

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А72

Антарова, Конкордия Евгеньевна.

А72 Две жизни. Мистический роман. Часть 2 / Конкордия Антарова. — Москва : Эксмо, 2023. — 672 с.

«Книга, которая зажигает сердца» — самый частый отзыв читателей не одного поколения любителей литературных открытий. В романе изложены основы философско-эзотерических знаний и психологических закономерностей духовного развития человека.

Борьба добра и зла, магии, погони и преследования, интриги и любовь — этот роман вобрал в себя все, что пробуждает воображение и сознание. Главный герой не чародей из фэнтези, а ученик духовных Учителей Востока. Знания, которые он получает от них, принесут реальную практическую пользу каждому читателю.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Издание для досуга

Антарова Конкордия Евгеньевна

ДВЕ ЖИЗНИ

МИСТИЧЕСКИЙ РОМАН

ЧАСТЬ 2

Ответственный редактор **М. Виноградова**
Корректор **И. Ковригина**

Страна происхождения: Российская Федерация
Шығарылған елі: Ресей Федерациясы

ООО «Издательство «Эксмо»

123308, Россия, город Москва, улица Зорге, дом 1, строение 1, этаж 20, каб. 203.

Тел.: 8 (495) 411-68-86.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Финансует: «ЭКСМО» АКБ Баспасы,

123308, Ресей, қала Маскеу, Зорге көшесі, 1 үй, 1 кінәкар, 20 қабат, офис 203 ж.

Тел.: 8 (495) 411-68-86.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Түркістан Республикасы

Интернет-магазин: www.book24.kz

Интернет-магазин: www.book24.kz

Импортер в Республику Казахстан ТОО «РДЦ Алматы».

Қазақстан Республикасының импортымен «РДЦ Алматы» ЖШС.

Дистрибутор и представитель по прямым претензиям на продукцию,

в Республике Казахстан: ТОО «РДЦ Алматы».

Қазақстан Республикасында дистрибутор және өнім бойынша арыз-талпаттарды

қабылдаушы өкіл «РДЦ Алматы» ЖШС.

Алматы, Дембровский көш., 3-ж., пәтер Б, офис 1.

Тел.: 8 (727) 251-59-90/91/92; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz

Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Сертификация туралы ақпарат: сайт: www.eksmo.ru/certification

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ

о техническом регулировании можно получить на сайте Издательства «Эксмо»

www.eksmo.ru/certification

Өңделген мемлекет: Ресей. Сертификация қарастырылмаған

Дата изготовления / Подписано в печать 14.04.2023.
Формат 76х100^{1/32}. Печать офсетная. Усл. печ. л. 29,56.
Тираж экз. Заказ

Хотите стать
автором «Эксмо»?

eksmo.ru
Официальный
интернет-магазин
издательства «Эксмо»

ЧИТАЙ • ГОРОД

ISBN 978-5-04-185590-1

© Миланова А., комментарии, 2018
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1	
Бегство капитана Т. и Наль в Лондон и их свадьба	8
Глава 2	
О чём молился пастор. Воспоминания Дженни	80
Глава 3	
Письма Дженни, её разочарование и внутренняя борьба	101
Глава 4	
Важное событие в семье графа Т. на балконе у Наль	122
Глава 5	
Скачки.	144
Глава 6	
Болезнь и смерть пастора. Его завещание	164

Глава 7	
Болезнь Алисы.	
Письмо Флорентийца к Дженни.	
Воспоминания Николая	207
Глава 8	
Чтение завещания	
в доме пастора	234
Глава 9	
Второе письмо лорда Бенедикта к Дженни.	
Тендль в гостях у лорда Бенедикта	257
Глава 10	
Мистер Тендль	
держит слово.	
Генри Оберсвоуд	283
Глава 11	
Генри у лорда Бенедикта. Приезд капитана Ретедли.	
Поручение лорда Бенедикта.	321
Глава 12	
Дория, капитан	
и мистер Тендль в Лондоне	369
Глава 13	
Леди Цецилия Ретедли в деревне	
у лорда Бенедикта	400
Глава 14	
Джеймс Ретедли и Лиза у лорда Бенедикта.	416
Глава 15	
Дженни и её жених. Свадьба Дженни.	454

Глава 16	
Судебная контора. Мартин и князь Сенжер	499
Глава 17	
Мать и дочь. Джеймс и Ананда. Ананда и пасторша.	
Жизненные планы Николая и Дории	527
Глава 18	
Вечер у лорда Бенедикта. Свадьба Лизы	
и капитана.	563
Глава 19	
Жизнь Дженни и её попытки увидеться	
с матерью и сестрой	590
Глава 20	
Последние дни лорда Бенедикта и его друзей	
в Лондоне. Тендль. Исповедь и смерть Мартина.	
Ещё раз музыка. Прощальные беседы.	615
Глава 21	
Дженни и её встреча с сэром Уоми	645

Глава 1

БЕГСТВО КАПИТАНА Т. И НАЛЬ В ЛОНДОН И ИХ СВАДЬБА

Наль спешно покинула сад возле дома её дяди Али Мохаммеда и в сопровождении двух слуг, одним из которых был её двоюродный дядя в одежде слуги, а также кузена Али Махмуда и капитана Т., спряталась в доме капитана, где никогда ещё не бывала и даже представить себе не могла, что такое когда-нибудь произойдёт. Она выросла в непростой обстановке; с одной стороны, её подавляли гаремные традиции, а с другой — она имела возможность приобщаться к европейскому образованию и жизни цивилизованного и культурного общества, которые открыл ей Али Мохаммед, боровшийся против затворничества женщин повсюду, где только мог.

У Наль всегда были европейская одежда и обувь, к которым её, как бы играя, приучал дядя Али, вызывая тем самым негодование её старой тётки и синклита из муллы и его фанатиков-правоверных. Поэтому в доме капитана девушка без труда переделалась в костюм, приготовленный для неё

дядей. Смеясь, она закутала молодого Али Махмуда в свой розовый свадебный халат и драгоценные покрывала. Она не плакала при расставании с братом, только обняла его, хотя в глазах обоих блеснули слёзы.

— Мужайся, Наль. Все случилось не так, как я предполагал, но... будь счастлива, вспоминай иногда меня и верь: если дядя Али сказал — так оно и должно быть. Если он тебя отдал в жёны капитану Т. — значит, таков твой путь. А счастье зависит от тебя. Не бойся ничего. Иди по жизни радостно и старайся до конца понять, зачем дядя создаёт тебе другую жизнь. Одно только помни: нам с тобою дан единый завет — верность до конца. Будь верна капитану так же, как ты верна дяде Али. И ты везде победишь.

Голос молодого Али дрожал, лицо было вдохновенно и прекрасно. Оно сейчас жило. Ничто в нём не напоминало маски того полумёртвого существа, которое с отчаянием смотрело, как Наль подаёт капитану цветок.

— Время. Прощай, сестра. Я всегда буду тебе верным другом, и нет между нами ни расстояния, ни разлуки.

Взяв пару крошечных туфельек Наль в руки, завернувшись в её покрывало, Али выскользнул из дома и пропал во тьме.

Насколько просто было для Наль переодеться в европейскую одежду, настолько же трудно было ей побороть привычку носить паранджу и оставаться среди мужчин с открытым лицом. Когда капитан Т. постучал к ней и спросил, можно ли войти, ей было страшно ответить согласием. Увидев её в простом синем английском костюме и с распущенными до пола косами, перевитыми жемчугом, он пришёл в ужас.

Поняв, как нелепо она выглядит и как её выдают её косы, Наль не дала изумлённому капитану опомниться и отхватила ножницами свои косы до пояса. Она уложила их вокруг головы и надвинула глубоко на лоб шляпу.

Закутав её ещё в лёгкий шёлковый плащ сверху, капитан сказал:

— Унося отсюда дивный образ Али, мы пред ним — муж и жена, Наль. Мы оба повинемся ему, и оба будем до конца дней верны ему. Мы уходим без него, но он с нами. Если вы идёте без страха, мы победим и выполним поставленную нам задачу.

— Я не испытываю страха, капитан Т. Я его не знала никогда. Я ваша жена перед дядей и Богом. И верность моя Богу — это верность дяде и вам, — спокойно ответила Наль.

Слуги вынесли их небольшие чемоданы и уложили в коляску. Лошади сразу пошли быстрой рысью, и Наль стала привыкать к темноте.

— Я ни разу не была ночью на улице, даже за воротами сада, — шепнула Наль сидевшему рядом с ней капитану, которого еле узнавала в непривычной штатской одежде.

— Перейдём на английский язык, Наль. Теперь вы — жена лорда Т. Старайтесь держаться высокомерно до глупости, как вы читали в английских книгах. Вот вам густой вуаль. — И капитан помог Наль обвязать вокруг шляпы и спустить на лицо довольно плотный синий вуаль.

— Как это приятно, — засмеялась Наль. — Разыгрывая из себя гордую даму, я избавляюсь от назойливых разговоров.

— Не забудьте опираться на мою руку и до самого отхода поезда изображайте из себя великую даму-икону, для которой на свете существует три рода рабов разных социальных ступеней: я — муж и первый раб — устаиваюсь разговора. Ваш дядя — нечто вроде секретаря — второй раб, к которому снисходят до признания его человеком. А слуга — третий раб, кому только кивают или указывают жестами. Так живут всю жизнь знатные дамы. Так постарайтесь прожить одну-две недели, пока не выберемся на свежий воздух и не кончится наиболее скучная часть нашей жизни.

Наль не успела ответить, экипаж подкатил к освещённому вокзалу. Лорд Т. вышел первым, подал руку своей закутанной супруге и послал секретаря взять заранее заказанные билеты. Через несколько минут подошёл поезд, секретарь и слуга устроили своих господ в разных купе и прошли в другой вагон, где ехали сами.

Когда поезд тронулся, лорд лично пришёл посмотреть, как чувствует себя его супруга, любезно пожелал ей доброй ночи и сказал, что утром придёт её проведать. Все было так чуждо Наль, так незнакомо и неудобно. Личико у неё было такое растерянное, что лорд-муж спросил, уже выходя в коридор, не нуждается ли его супруга в секретаре. Обрадовавшись возможности побыть с дядей, Наль просила прислать его немедленно. Лорд послал за ним проводника и оставался в коридоре, перекидываясь со своей супругой малозначительными фразами до тех пор, пока не явился секретарь.

— Графиня желает написать несколько писем, у неё бессонница, — сказал лорд секретарю, который низко поклонился и вошёл в купе графини. Поцеловав руку жене, лорд, закрывая двери, шепнул мнимому секретарю: — Оставляйтесь до шести часов. Я займу ваше место утром, а вы отдохнёте у меня в купе. Дайте Наль спать, сами дежурьте.

Вернувшись к себе, капитан Т. лёг на диван и, приказав себе — как это делал уже много лет — проснуться в шесть часов, мгновенно заснул.

Наль спать не могла. Всё её поражало. Дяде пришлось объяснять ей всё устройство вагона. Он рассказал ей также про весь их путь до Петербурга и описал, как выглядит гостиница в Москве.

— Не знаю, будем ли мы останавливаться там. Думаю, что нам надо мчаться во весь дух, чтобы как можно скорее быть в Лондоне, — говорил дядя-слуга.

— А как туда доедем?

— Сядем на пароход на Неве. Теперь установлено прямое водное сообщение. Через семь дней будем в Лондоне.

— Как? Семь дней будем ехать морем? — с удивлением сказала Наль.

— Да, морем. Я, к сожалению, плохо переношу поездки по морю. Придётся капитану Т. самому караулить на пароходе свою знатную жену, — смеялся дядя. — Но мы с тобой выходим из ролей барыни и слуги. Чтобы тебе свыкнуться со своей ролью, важная дама, приступай к ночному туалету. В чемодане ты найдёшь лёгкое платье. Я посижу у окна, ты переоденься и ложись спать.

— Нет, дядя, спать невозможно. Я могу лечь, если ты пожелаешь. Но ведь от мыслей лопнет голова, если я хоть половины их не додумаю до конца.

Когда через час дядя окликнул племянницу, ответа он не получил. Старик улыбнулся и принялся за чтение. На его безмятежно спокойном лице старого философа не было заметно ни малейшего волнения. Ничто, казалось, не нарушало его равновесия. Он был таким же спокойным и трудоспособным сейчас, как и в привычной мирной обстановке своего окружённого виноградником дома, где он оставил многочисленную семью. Книга и делаемые им при шатком свете свечи заметки помогли ему не замечать мелькавших мимо станций. Он с удивлением поприветствовал капитана, тихо вошедшего в купе.

— Говорила, что спать не сможет, — лукаво улыбаясь, шёпотом сказал лорду Т. секретарь. — А вот и непривычная тряска, и стук колёс — все молодости нипочём.

Секретарь отправился в купе своего господина, а последний устроился на соседнем с Наль диване.

Наль всё спала, по-детски подложив ручку под щёку. Капитан заботливо закрыл щёлку в занавеске окна, через которую к волнистой головке уже подбирался солнечный

луч, и снова сел на своё место. Он впервые видел Наль с закрытыми глазами. Чёрные длинные ресницы бросали тень на розовые щёки, прелестные губы улыбались. Эта почти детская жизнь принадлежала ему. Ещё вчера он считал невозможным не только быть соединённым брачными узами с Наль, но даже пройти жизнь вблизи от неё. А сегодня он едет с нею, получив её из рук Али. Едет, чтобы жить и трудиться, свободно любя её перед всем миром.

«Счастлив ли человек, если несёт ответственность за две жизни?» — думал капитан.

Отдавая ему Наль в жёны, Али сказал, что капитан теперь ответственен за две жизни, ибо Наль дитя, а он не только муж, но и первый друг-воспитатель.

«О да, — продолжал свои мысли капитан, — выше той любви, в которой человек согласен нести ответственность за жизнь любимого, и быть не может. Али доверил мне часть самого себя. Я должен продолжать его дело и помочь Наль раскрыть в себе все силы жизни».

— Дядя, знаешь, даже лень глаза открыть. А я хвалилась, что половину мыслей додумаю, — проснувшись, сказала вдруг Наль. — И знаешь, очень странный мне снился сон. Я всё время видела во сне капитана Т., и мне казалось, что это он сидит рядом, а не ты. И что я его жена, и что нас венчают по-европейски. Правда, смешно?

— Не очень, Наль.

Наль вскочила с дивана в полной растерянности.

— Как же это случилось, что вы здесь, а я сплю? — огорчённо сказала девушка.

— Мне не хотелось будить вас, а дяде надо было отдохнуть. Не смущайтесь. Надо привыкнуть играть роль моей жены. Не забывайте, что мы беглецы, и от нашего самообладания зависит, насколько талантливо мы сыграем свои роли, чтобы тем самым спасти наши жизни. И не только

наши, но и всех тех, кто помогает нам в целом ряде мест одновременно в эти минуты. Трудно вам, Наль, путешествовать в первый раз в жизни, и особенно без женской помощи. Будем вместе стараться вести себя так, чтобы нас принимали за знатных и влюблённых супругов. Сейчас постарайтесь причесаться. В парикмахеры я не гожусь, хотя гримёр я хороший. Но критиковать вашу причёску — берусь.

— Если вы будете тихо сидеть у окна, капитан Т., я постараюсь причесаться так, как видела на модной картинке у дяди Али. Только не смотрите на меня, пока я не скажу.

— Не смотреть на ваши парикмахерские таланты до сигнала я берусь. Но на модную картинку — не согласен. Вы лучше выньте из волос все украшения и положите косы вокруг головы, как вчера.

— Как? Все, все украшения вынуть? Разве европейские женщины не носят украшений? Это очень скучно.

— Носят, Наль. Но в волосах они их носят только на балах и званых обедах, очень изысканно и умеренно. Такие предметы туалета, как шляпы и меха, используются в соответствии с условностями моды. Иная шляпа надевается только утром, другая — после обеда, а есть шляпы, которые носят только в пути.

— Как же это всё постичь, чтобы не сделать бестактности и не осрамить дядю Али или вас, капитан Т.? — с уморительной детской серьёзностью спросила Наль.

— Я думаю, Наль, что вам, постигшей такие большие духовные задачи и не менее трудные математические истины, не трудно будет понять внешние условные правила цивилизации того нового народа, среди которого мы будем жить. Для начала снимите весь жемчуг с кос и ваши драгоценности с шеи и ушей. Они чрезмерно ценны для поезда. Вы, наверное, найдёте среди уложенных вам в дорогу вещей ка-

кие-нибудь маленькие, скромные серьги. А волосы в дороге не украшаются ничем.

— Как странно. У нас именно в дорогу и надевается всё самое драгоценное, — ответила Наль.

Довольно долго капитан сидел, отвернувшись к окну, думая, как трудно будет Наль привыкать к новой жизни, на каждом шагу натываясь на затруднения.

— Ну вот, я готова, — услышал он за спиной.

Наль стояла перед ним в белой блузке и синей юбке. Волосы её были гладко причёсаны на пробор и уложены вокруг головы. Казалось, этой прелестной головке было тяжело выносить тяжесть заплетённых в косы волос, а непривычка к шпилькам заставляла Наль всё время пробовать рукой, на месте ли её косы. Сквозь тончайший батист просвечивало розовое тело рук и груди. Выражение огромных глаз было радостным, доверчивым. В них не было ни одного облачка сомнений или сожалений о покинутом доме и родных. Ни малейшей тревоги о неизвестном будущем — ничего сейчас не было на лице Наль, кроме желания получить одобрение капитана своему внешнему виду.

Уверив её, что всё в ней не оставляет желать лучшего, капитан проводил свою жену в умывальную комнату и остался ждать её в коридоре.

Мысли о Лёвушке — до сих пор его единственном близком спутнике жизни и путешествий — пробежали облаком в сердце капитана. Лёвушка, возвратившийся с пира. Лёвушка, распечатавший письмо. Лёвушка, впервые пускающийся в жизнь без него...

«И здесь мой ответ за две жизни», — снова подумалось капитану.

Проводив Наль из умывальной комнаты обратно в её купе, лорд приказал проводнику позвать из своего отделения секретаря. Секретарь, человек опытный и немало путе-

шествовавший в жизни, устроил все дела по части завтраков и обедов на весь путь. Наль не знала никакого беспокойства насчёт этой стороны дела, всё подавалось супругам в их купе.

Первый день путешествия приходил к концу. Наль освоилась со своим новым бытом, и всё окружающее перестало её удивлять. Она больше не поражалась свободе обращения не закрытых паранджой женщин с мужчинами, но выходить из купе до полной тишины и темноты ночи она отказывалась. Без всяких приключений, сменяясь на дежурстве при ней, доехали наши путники до Москвы. Наль ни слова не спросила о том, как они минуют Москву, а очутившись в новом поезде на Петербург, чувствовала себя свободно.

Часто замечал капитан напряжённые мысли на её лице, но не мешал ей решать свои вопросы одной.

В переполненном петербургском поезде им пришлось ехать всем в одном купе, чему Наль, уже успевшая несколько привыкнуть к тому, что её лицо открыто, очень радовалась.

Она, казалось, не замечала встревоженного вида дяди в Москве, когда тот шёпотом что-то говорил капитану. Она была ровна и спокойна и в Петербурге, где их встретили двое незнакомых людей и очень торопили на пароход. Поражённая великим городом, она с сожалением сказала:

— Проехать мимо всех этих красот, не заглянув даже ни в один дом! Какая жалость, капитан Т.!

— Не зная хорошо языка народа, посмотреть бегло на его дома и галереи — это тоже жалость, Наль. Будет время, и вы ещё увидите много народов и всех красот, ими созданных, познакомьтесь с их жизнью и сможете, если захотите, вплести свой труд и красоту в их жизнь. Не спешите узнать всё сразу. Сейчас помните только, что вы — знатная дама, моя жена. Жизнь на пароходе, с его табльдотом, вам будет труднее поезда.

Наши пассажиры вошли на пароход со вторым гудком. И только когда пароход отчалил, Наль заметила, как разошлись суровые морщины на лице капитана и как легко вздохнул её дядя.

— Если бы здесь был дядя Али, — прошептала Наль капитану, — он рассказывал бы мне обо всём и видел бы во мне усердного слугу-помощника своим заботам. А ему я только племянница, а не жена.

— Упрёк ваш мне тяжёл, Наль. Особенно тяжёл потому, что и я, как Али, вижу в вас друга и помощника. Но пока мы не встретимся с Флорентийцем и не будем обвенчаны, я ничего не могу вам сказать. Даже того, куда и зачем мы едем.

— Если вы не говорите мне ничего только потому, что вы связаны словом, данным дяде Али, — я совершенно спокойна. Я думала, что вы уже не любите свою маленькую жену, которая ничего не знает, даже не понимает, как ей вести себя на пароходе.

— Простите, граф, что я прерываю вашу беседу с женой, — подошёл к капитану Т. капитан парохода, обращаясь к нему на английском языке и считая в порядке вещей, чтобы русский граф знал его язык. — Ваши места оказались врозь с вашей очаровательной женой, — кидая восхищённый взгляд на Наль и кланяясь ей, продолжал капитан парохода. — Но так как вы едете от места и до места, я могу предоставить вам самую лучшую каюту, в которую не явились пассажиры. Если вам угодно, я велю отыскать вашего секретаря и укажу ему каюту.

— Я чрезвычайно тронут вашей любезностью. Если вас не затруднит устроить нас вместе, а моё место передать моему секретарю, мы будем вам очень благодарны.

— Помилуйте, я сам предложил вам. Я буду очень счастлив служить вашей супруге и вам чем только могу в тече-

ние всего нашего пути, — ответил, снова галантно кланяясь Наль, капитан парохода.

— Как же мы с вами поедem вместе в одной комнате, капитан Т.? — подавляя волнение, сказала Наль.

— Ничего, друг, не беспокойтесь. Вы ещё не знаете, как будете выносить качку, ваш дядя её переносит плохо. Если окажется, что вы плохо переносите качку, то будет лучше, если братом милосердия при вас буду я, чем кто-либо чужой.

— Мне очень страшно здесь. Это гораздо хуже, чем поезд. И почему все так смотрят на меня? — тихо спрашивала Наль, стараясь скрыть смущение.

— Нельзя, немислимо быть такой прекрасной, Наль. И я даже не могу сердиться на этих людей, которые — от матросов до капитана и от юношей до стариков — как ошалелые смотрят на вас. Если бы я был на их месте и имел бы право только исподтишка смотреть на вас, а не откровенно вами любоваться, как я это делаю сейчас, я бы вёл себя точно так же. А потому не могу на них сердиться.

Наль вспыхнула, улыбнулась мужу и сказала:

— Услышать это от вас сейчас — большая поддержка для меня. Мне так много пришлось передумать за эти дни. У нас не такие обычаи, как у вас. У нас всё иначе между мужем и женой. Я думала, что вы уже недовольны, что уехали со мной.

— Когда мы очутимся в каюте, а не здесь на ветру, вы мне всё расскажете, что надумали, Наль. А пока укройтесь, пожалуйста, плащом, да, кстати, опустите и вуаль, чтобы непривычный ветер не испортил вам кожу.

— Или непривычная ревность не испортила сердце вашему мужу, — низко кланяясь графине, сказал подошедший секретарь. — Ваши каюты готовы, лорд, и даже украшены цветами, по приказанию капитана. Кроме того, ваши

друзья из К. успели прислать графине два сундука с бельём и платьем, которые тоже уже стоят в каюте.

Капитан парохода, человек лет сорока, хороших манер и, очевидно, доброго характера, сам шёл уже навстречу обротившей на себя всеобщее внимание чете и проводил её до каюты.

— Вот так красавец-мужчина, — сказала своей подруге разряженная дама.

— Всю жизнь прожил — подобной живой красавицы-женщины и представить себе не мог, — говорил приятелю ловелас с моноклем в глазу и тросточкой в руках.

— Ну вот, придумали, — возразила дама. — Муж — это да! Это мужчина! И где только мог вырасти такой красавец. А жена — смазливенькая, каких много.

— Это возмутительно, что вы говорите. Рост, пропорциональность, крошечные ручки и ножки, свежесть кожи — ну а уж глаза — это само небо, — продолжал фронт.

Тем временем, как только пароход вышел в открытое море, Наль почувствовала себя плохо.

— Немедленно ложитесь в постель, — сказал граф, на руках внося Наль в каюту. Он позвонил горничной. — Вам сейчас помогут лечь. Примите эти пилюли. Не волнуйтесь. До больших неприятностей дело не дойдёт. Но вряд ли вам придётся своей красотой побеждать сердца попутчиков за табльдотом. Думаю, самое большее, вы доконаете капитана, сидя в кресле на палубе в тихие дни.

— Не смейтесь надо мной, капитан Т. Мне так горько, что вы больше ни разу не взглянули на меня за это время.

— Напротив, Наль, я всё ловил себя на том, что только и делал, что смотрел и думал о вас. А, видит Бог, было ещё много о чём думать.

— Неужели вы уйдёте на этот ужасный табльдот и оставите меня одну?

— Нет, конечно. Я сейчас поищу в вашем сундуке, там, наверное, найдётся какой-либо очаровательный халат. Вы снимете своё платье и будете лежать, изображая загадочную принцессу, скрываемую в каюте Синей Бороды. Но прежде всего я велю принести апельсинов, а вот вам в помощь идёт девушка.

— О, только девушку не надо. Апельсин я очень хочу, ванну и постель — тоже. Но раздеваться и одеваться я дала себе слово всегда сама. Я вижу, как это плохо — быть приученной иметь семь нянек.

Капитан Т. отправил девушку за фруктами, открыл сундук и, к восхищению Наль, достал ей прелестный тёплый халат. Бедняжка страдала от северного лета и ветра. Как ни помогали ей лекарства, но всё же ей пришлось пролежать всё путешествие, изредка сидя в кресле на палубе в солнечные дни.

— Если бы вас не было со мною, я бы умерла от этих дождей и туманов. Это хуже тюрьмы. Но так как вы здесь, то всё мне кажется уютным, даже этот шум ливня, — говорила Наль графу.

Капитан сидел возле Наль, держа её ручки в своих и стараясь помочь ей переносить тяжёлую качку.

— Мы встретим в Лондоне одного друга дяди Али, Флорентийца, — сказал однажды капитан.

— Флорентийца? Это что? Его имя?

— Так его все зовут, а имени его ни я, ни кто другой не знает. Когда вы увидите его, Наль, вы поймёте, что такое красота.

— Это очень странно. Дядя Али — красавец. Али Махмуд — красавец, ещё лучше. Вы, — зарделась Наль, — всех лучше. Разве можно быть красивее вас?

— Я спрошу вас об этом в Лондоне, — засмеялся граф, — после встречи с Флорентийцем.

Наконец мучениям Наль настал конец. В одно прохладное, туманное утро пароход подошёл к пристани, доставив в Лондон совсем больную Наль, измученных секретаря и слугу и совершенно здорового графа Т. Загар с его лица почти сошёл от постоянного сидения в каюте с больной женой, недомогание которой выражалось в такой слабости, что к концу путешествия она уже не могла вставать. От этого его лицо, блондина с вьющимися светлыми волосами и тёмными, очень красивыми дугами бровей, только выиграло.

Поручив вещи носильщикам и уговорив секретаря побыть со слугою на пароходе, пока он за ними не вернётся вторично, граф подошёл к самому парапету, пристально вглядываясь в ожидавшую на берегу толпу. Сначала на его лице, кроме напряжения и разочарования, ничего не выразилось. Но когда половина пассажиров уже сошла, внезапно лицо его просияло и, обменявшись с кем-то приветственным жестом, он быстро прошёл в свою каюту. Оставив в ней своих секретаря и слугу, граф пошёл попрощаться с капитаном и попросил разрешения оставить на четверть часа в своей каюте больного секретаря со слугой, пока он не посадит в киб жену и не вернётся вторично за своими спутниками, столь ослабевшими, что без его помощи они не смогут добраться до гостиницы.

Получив не только разрешение, но и полное сочувствие и предложение всякой помощи, граф укутал жену в плащ и понёс её на руках на берег.

— Привет тебе, Николай. Я очень рад, что вовремя поспел. Но, как ни спешил, тебе всё же пришлось ждать меня, — услышала Наль английскую речь очень приятного, мягкого по тембру, довольно низкого голоса.

— Поверьте, я ждал бы до самого конца разгрузки парохода, раз вы приказали мне ждать вас здесь.

— Это на тебя похоже! Во всём, всегда и везде можно быть уверенным, что ты всё исполнишь точно, раз приняв приказ, — снова сказал тот же голос. — Не тревожься о Наль, дай мне её на руки и веди своих инвалидов. Видишь у сквера зелёную карету? Веди их прямо к ней.

Наль почувствовала, как другие сильные руки подняли её. Ей показалось, что человек, взявший её на руки, ростом много выше Николая, как называл незнакомец её мужа. Ей хотелось сначала запротестовать и сказать, что она вовсе не так уж слаба, чтобы переходить с одних рук на другие. Но, едва коснулись её руки незнакомца, неизъяснимое чувство счастья, почти блаженства, охватило её.

— Отец, — невольно прошептала Наль. И — точно незнакомец подслушал шёпот её уст и сердца — его сильные руки ещё нежнее охватили её. Совсем как в детстве, спасаясь от глупых строгостей тётки на руках дяди Али, Наль почувствовала себя под надёжной защитой. Ей теперь даже не надо было видеть того, к чьему сердцу она так доверчиво приникла, — она чувствовала себя слитой с ним ещё крепче, чем с дядей Али.

Николай вернулся со своими спутниками, все разместились в экипаже и тронулись по серым и однообразным улицам, заполненным дымом и туманом. Ехали довольно долго, пока не выбрались на красивую, широкую улицу и остановились у подъезда двухэтажного особняка, окружённого садом с цветниками.

— Доверь мне донести твоё сокровище до комнат, отведённых тебе и ей, — обратился Флорентиец к Николаю. — А ты проводи своих друзей в две комнаты внизу, с левой стороны. И дай им немедленно лекарство, ты знаешь, какое и как. Часа три-четыре они проспят и после этого смогут кушать. Сам же, уложив их, приходи наверх. Услышишь наши голоса — на них и иди.

Легко, как будто Наль была куклой, Флорентиец вышел из экипажа, держа её на руках, сказал что-то на непонятном ей языке кому-то, очевидно слуге, и пошёл вверх по лестнице.

Наль было стыдно, что её несут как дитя. Ей было неловко обременять кого-то собой, и вместе с тем чувство необычайного счастья, радости и впервые познанной любви к отцу заставляло её сожалеть, что лестница не бесконечна, что уже пройдена одна площадка и скоро будет комната, где её поставят на ноги.

Положив её на диван, Флорентиец, смеясь, снял с её головы часть плаща и ласково сказал:

— Теперь посмотри на того, кого ты в мыслях уже признала отцом. Быть может, взглянув, ты не захочешь выговорить это слово? Или сердце твоё угадало раньше уст?

— О, как вы прекрасны, отец. Аллах, Аллах, как вы сияете! — прикрывая глаза рукой, сказала Наль. — О, отец, теперь я не смогу больше жить без вас! Позвольте мне поцеловать ваши руки. Мне кажется, первый раз в жизни я понимаю, что такое счастье. Здесь, подле вас, ничего не надо. Только бы исполнять вашу волю.

Наль соскользнула с дивана на ковёр и приникла к рукам Флорентийца, сидевшего на низкой табуретке у её изголовья.

— Встань, дитя, мы с тобой будем долго вместе. И я рад ответить полною любовью на твой зов. Будь моею дочерью, как твой муж, Николай, уже давно мой сын. И, называя меня отцом, ты только берёшь то, на что имеешь право. Вот, съешь эту конфетку, и через час ты будешь бегать не хуже, чем в саду дяди Али. Можешь ли ты объяснить мне и себе ясно: почему, будучи воспитана Али, обожая его, любимая им, ты назвала меня отцом и заявила своё право на это, прикоснувшись ко мне? Его же ты ни разу не назвала отцом.

— Это очень странно, отец. Действительно, всё, что до сих пор я имела в жизни, — всё от дяди Али. Всё через него. Всё — его заботами и даже борьбой и подвигом. Всё, всё, — зардевшись, говорила Наль, — и... капитан Т., которого ты зовёшь Николай, и даже встреча с тобой, отец, — всё только от него, от дяди Али.

Но выразить вряд ли смогу, почему моя любовь к дяде Али была не то что смешана со страхом, но... От него исходит такая сила. Он для меня так недостижимо высок, что почувствовать себя с ним так просто, как с тобой, я никогда не могла. Я всё время чувствовала, что между мною и им стоит огромная гора света, и проникнуть за неё я не могла. А когда встретила тебя, отец, то, даже ещё не видя, уже почувствовала, как мне просто и легко с тобой. Если теперь ты меня оставишь — я жить уже не смогу. Даже любовь Николая, если бы он любил меня, — горько вздохнула Наль, — меня не удержала бы на земле без тебя.

— Если бы Николай любил тебя, дочь? Что это значит? В чём ты сомневаешься?

— Нет, отец, я ни в чём не сомневаюсь. Если дядя Али послал меня сюда — значит, здесь и есть моя жизнь и судьба. Я встретила тебя и теперь понимаю, что дядя послал меня к тебе. Он только сказал, что мы с Николаем — муж и жена. Но, видно, иначе он отослать меня к тебе не мог.

— Но кто сказал тебе, что брак ваш не состоится? Что Николай тебя не любит?

— Никто не говорил. Только видишь, когда я стала невестой, перед брачным пиром тётка всё время объясняла мне, как муж обращается с женой, если он её любит. Но...

— Смейся, дитя, над всеми предрассудками мира, а особенно над теми утлыми понятиями, которые ты вынесла из гаремной жизни. Немного времени пройдёт, и ты поймёшь всю силу любви и преданности Николая тебе. Целую верё-

ницу жертв Николай принёс ради тебя, и ты их узнаешь. Будь с ним так же проста и открыта, как сейчас со мной. И ты поможешь и мне, и дяде Али. А помощь твоя и Николая нам прежде всего заключается в той новой, освобождённой семье, которую вы оба должны создать. Ну вот и муж твой. Сюда, Николай.

Приподняв портьеру, на пороге показался Николай.

— Ну конечно, я не сомневался, что Наль будет сразу поднята на ноги вашим волшебным присутствием, Флорентиец. Она так сияет, что мне не о чем спрашивать.

— Отец приказал мне звать вас Николаем. Мне хотелось бы назвать вас как-то иначе, как зовёт вас Лёвушка. Но я буду звать вас так, как зовёт отец, в честь его, в постоянную память о нём. У меня в ушах будут звенеть два голоса — его и мой собственный — каждый раз, когда я буду произносить: «Николай».

Флорентиец засмеялся, а на лице Николая выразилось удивление.

— Всё это хорошо, дочь моя, у нас времени впереди много, мы ещё обо всём поговорим. А сейчас тебе надо привести себя в порядок, принять ванну. Потом надо одеться к лицу и сойти вниз завтракать. Я приготовил тебе девушку-горничную. Она этой профессией никогда раньше не занималась, но жизнь её затрепала. У неё старушка мать и мальчик брат, которого надо учить. Найти же в Лондоне хороший заработок, чтобы содержать двух человек одной женщине, — почти невысказано. Я взял её к себе, чтобы куда-либо пристроить. Теперь, я думаю, лучше, чем к тебе, её и не пристроишь. Она знает языки, знает все правила этикета, у неё много вкуса. Она будет тебе полезна. Я её сейчас приведу.

Флорентиец скрылся так быстро, что Наль ничего ответить не успела. Тут в комнату вошёл один из слуг хозяина

дома, прося у Николая указаний, как разместить привезённые с пристани вещи.

Спустившись с лестницы, Флорентиец вошёл в чудесную комнату с балконом, обитую зелёными шёлковыми обоями и обставленную немногими старинными вещами. Шкафы с книгами и письменный стол были из светлого, золотистого дерева с инкрустацией из черепахи. Пройдя комнату, он вышел на балкон и позвал:

— Дория, пройди ко мне сейчас же.

В саду слышались поспешные шаги, и на дорожке к дому показалась высокая женская фигура. Женщина прошла через балкон в комнату Флорентийца.

— Садись, Дория. Ты просила меня помочь тебе. Ты сама знаешь, как много и при этом радостно Ананда для тебя сделал и как ты, дав обет беспристрастия и отказа от зависти, увязла в чувстве горечи. Знаешь, как тяжела теперь для тебя жизнь, ставящая тебя всё время в положение существа зависимого, второстепенного. На каждом шагу жизнь выбивает из тебя все крючки зависти и ревности.

— Да, жизнь была мне тяжела, когда я лишилась моего руководителя Ананды. Я страдала и до сих пор страдаю от сознания, что нанесла ему, моему милосердному поручителю, удар своими стрелами страсти и зависти. Но в вашем доме жизнь — более чем счастье. Моё сердце чисто. В нём теперь нет ни зависти, ни пристрастия, ни осуждения людям, я жду только, когда вы поверите до конца моей верности и укажете труд, который вы обещали мне дать. Я должна в этом труде доказать вам своё новое понимание счастья жить, служа вам, и этим снять с Ананды ответственность за себя.

— Уверена ли ты, что всякий труд, который я укажу тебе, ты будешь исполнять радостно? Что в тебе не прощутся опять гордость и чувство униженности или зависть и ревность к чужой блестящей жизни?

— Я уверена. Уверена даже не в себе, не в своих качествах. Я уверена в истинной любви к человеку, проснувшейся во мне.

— А если бы я предложил тебе стать слугой у юной, прекрасной, как мечта, женщины? Служить ей горничной и даже нянькой, потому что она неопытна, как дитя. Быть ей незаметно наставницей в манерах и одежде, потому что она азиатка, и не только не знает света, но и вообще не видела европейской жизни. Как отнеслась бы ты к такому труду?

— Служа ей, я служила бы вам. Служа вам, я искупила бы грех перед Анандой и вернулась бы к нему.

Долго, долго смотрел на Дорию Флорентиец. Так долго, что у женщины участилось дыхание. Точно до самых глубин её души проникал его взгляд и читал в ней не только её теперешнее состояние, но и всю её будущую жизнь и возможности. Наконец он встал, улыбнулся и сказал ей:

— Слово твоё сейчас — твоя подпись в веках. Я даю тебе свою подпись под твоим новым обещанием. Дитя, за которым я поручаю тебе уход, — это надежда не только моя, но и многих. Я не знаю, насколько великодушна будет она вначале к тебе, и будет ли вообще.

— Я буду великодушна к ней. Благословите меня, Флорентиец, я думаю, что больше не поскользнусь, под какой бы личиной ни стремилось проникнуть в меня зло.

Дория опустила на колени, прижала к губам дивную руку Флорентийца, который положил ей на голову свою вторую руку.

— Пойдём, она ждёт, — сказал Флорентиец, поднимая Дорию.

Дория отёрла влажные глаза и казалась удивлённой.

— Да, это здесь, в моём доме, и тебе никуда уезжать не надо.

— Какое счастье! — радостно воскликнула Дория.

Флорентиец направился к выходу и, оглянувшись в дверях, сказал ей, улыбаясь:

— Привыкай к роли служанки-горничной и учись ходить позади своих госпожи и господина.

Войдя к Наль, он подвёл к ней Дорию и сказал:

— Вот горничная, что я тебе обещал, дочь. Её зовут Дория.

— О, какое красивое имя, не менее красивое, чем вы сами, — подымаясь с дивана и положив руку на плечо Дории, сказала Наль.

Дория поднесла к губам руку своей новой хозяйки и сказала, что будет стараться служить ей всей верностью, как только сумеет.

— О, Дория, как огорчили вы меня. Зачем вы поцеловали мне руку? Я возвращаю вам поцелуй, — и раньше, чем кто-либо успел опомниться, Наль поцеловала руку сконфуженной Дории.

— Я не знаю света, Дория. Но дядя Али научил меня понимать, что нет в жизни слуг и господ, а есть люди, цвет крови которых одинаково красен. Не слугой вы будете мне, но другом, наставницей в тысяче новых для меня вещей, которых я не знаю. Отец, я уже успела осмотреть комнаты, которые вы отвели мне. Куда мне столько комнат? Можно Дории жить в прелестной угловой комнате, выходящей в сад? Я бы так хотела, чтобы ей было легко и весело со мною.

— Ты маленькая хозяйка и своих комнат, и Дории. Поступай как хочешь. Боюсь, что своим восточным очарованием ты не только меня с Николаем, но и весь дом скоро заберёшь в плен, — шутил Флорентиец. — Но времени теперь не теряй. Готовься и приходи завтракать по звуку гонга. Он даётся за четверть часа до каждой еды.

С этими словами хозяин дома ушёл, уводя с собой Николая.

— Дория, друг. Я совсем ничего не умею делать и не знаю, что в этих сундуках. Они открыты, но что выбрать, чтобы нарядно и подходяще к случаю одеться по вашим правилам, я не понимаю.

— Не беспокойтесь, графиня, ванна уже готова, я усажу вас в неё и вернусь выбрать подходящие туалеты. Вы наденете тот из них, который вам больше понравится. Если же не понравится ни один, вы примиритесь с ним пока, а потом мы поедem в город и купим всё, что будет нужно.

— Дория, у нас не принято, чтобы девушки звали свою хозяйку иначе как по имени. Прошу вас, когда мы одни, зовите меня Наль, как делается в нашей стране. Если же по требованию здешних приличий надо меня величать титулом, то делайте так только на людях.

По выходе из ванны, освежённая, прекрасная, точно весенний цветок, Наль с восторгом ребёнка рассматривала приготовленные ей Дорией три платья.

— Эти все годны для завтрака, — сказала горничная, усаживая свою госпожу перед большим зеркалом. — Господи, как вы прекрасны, — сказала она, распуская её роскошные волосы.

Кто-то постучал в дверь, и подошедшей Дории восточный слуга сунул в руки узелок, завязанный в чудесный персидский шёлковый платок.

— Для Наль, — сказал он и ушёл.

Наль развернула узелок, и оттуда выпали две косы, перевитые жемчугом, с драгоценными наконечниками на концах, отрезанные ею в комнате капитана Т. в день бегства из К. Там же было и роскошное покрывало.

— Что это? Это точь-в-точь ваши вьющиеся волосы.

— Они самые и есть. На них не налезала шляпа, да они и выдали бы меня своей длиной. Даже у нас, где много женщин с хорошими волосами, мои косы до полу всех

удивляли. Вот я их и отрезала, — спокойно беря косы, ответила Наль.

— И вам не жаль было лишиться себя такой исключительной красоты?

— Ах, Дория. Красота — это так условно. До сегодняшнего дня я думала, что мой муж красивее всех на свете. А сегодня поняла, что красота может быть ещё и божественно прекрасна.

— Да, — засмеялась Дория, — я согласна, что вы божественно прекрасны и никакая богиня Олимпа вам не страшна. Но разрешите мне причесать вас по моде, а то мы все гонги пропустим.

Уложив волосы Наль большим узлом на затылке, спустив по бокам небольшие локоны её вьющихся волос, Дория укрепила в волосах большой гребень из жёлтой черепахи, отысканный в её вещах, и такие же шпильки, отделанные мелкими бриллиантами. Наль стала выбирать платья.

— У нас надевают много халатов один на другой. По вашему обычаю, нельзя надеть их все три вместе? Они так прекрасны.

— Нет, никак нельзя, — смеясь, разводила руками Дория. — Надо решиться на какое-нибудь одно.

— Как жаль, — так серьёзно сказала Наль, что Дория снова покатилась со смеху. Наль вторила ей и, наконец, выбрала и надела платье из золотистого мягкого шёлка, отделанное у шеи и рукавов кружевом. Тонкая, высокая шея, выходящая из едва открытого ворота, короткие рукава — всё изменяло Наль до неузнаваемости.

— Я вижу, вернее, слышу, что вы превесело одеваетесь. Можно войти?

— Ах нет, никак! — закрывая обнажённую шею руками и ища, чем бы прикрыть голые руки и фигуру в обтягивающем платье, вскрикнула Наль, узнав голос Николая.

— Как нельзя? Да ведь вы совершенно готовы, — входя, удивился Николай, видя свою жену в полном туалете.

Наль, закрывая всё так же шею, с полными слёз глазами стояла перед ним.

— Что случилось, Наль? Кто вас обидел? В чём дело? Я только что хотел сказать вам, как вы необычайно хороши в этом платье, но ваши слёзы расстроили меня, я даже забыл, с чем пришёл.

— Ну, уж я понял, что без меня здесь не обойдётся. И чтобы первый завтрак прошёл весело, явился сам вести тебя в столовую, дочь моя, — появляясь во фраке и открытом белом жилете, блистая красотою, сказал Флорентиец. — Тебе неудобно и неловко в доме отца, каким ты меня признала, в обществе мужа, которого любишь, быть с открытой шеей и руками? Это предрассудок, дитя. Брось его. К чистой женщине, к её чистым мыслям не могут прилипнуть ничьи грязные взгляды и мысли. Тебе придётся бывать в большой толпе с открытыми плечами. Привыкай и помни одно: атмосфера чистоты несносна злу. Оно бежит от неё. Надо в себе иметь что-либо злое, чтобы зло могло тебя коснуться.

Он взял из рук Николая футляр, открыл его и вынул два крупных камня грушевидной формы, зелёный камень и бриллиант на тонкой цепочке из этих же мелких камней.

— Позволь мне надеть тебе на шею эти камни. Белый дарит тебе твой дядя Али — камень силы. Зелёный даю тебе я — это камень такта и обаяния, камень чистоты и умения приспособиться ко всем обстоятельствам жизни.

Он надел на шею Наль цепочку, и камни заиграли на белых кружевах. Наль подняла свои огромные глаза и голову со слезами в глазах и улыбкой на устах. Рядом с величественной, громадной фигурой Флорентийца, на прекрасном лице которого отражались мир и гармония, она была похожа на ребёнка.

— Возьми мою руку, как тебя обучил этому Николай, и пойдём в мою комнату. Там ты встретишь двух моих друзей. Не растеряйся, если они поцелуют тебе руку. Если количество блюд за завтраком будет тебя смущать или ты не будешь знать, как их есть, посмотри, что делаю я или Николай — мы оба постараемся показывать тебе все фокусы моды и этикета, называемые воспитанием, так, чтобы, кроме тебя одной, этого никто не замечал. Пользуясь правом хозяина дома, я буду тебе накладывать первые блюда сам. А затем, когда ты поймёшь, как это делается по здешним требованиям, ты, возможно, сама захочешь рискнуть и сделать это для меня или для мужа.

Сойдя с лестницы, Флорентиец ввёл Наль в свою зелёную комнату.

— Как прекрасно здесь! Какой балкон! Сколько книг, почти столько же, как у Николая.

— Гораздо больше. Здесь, подальше, есть одна из лучших библиотек, какую можно встретить в частном доме, Наль, — сказал Николай жене.

Раздался стук в дверь, и один за другим вошли в комнату двое мужчин, которых хозяин приветствовал очень сердечно и, взяв их обоих под руки, подвёл к Наль.

— Позволь тебе представить, Наль, моих двух друзей. Это — лорд Мильдрей, а это просто индус, студент Оксфордского университета, Сандра Сатананда. Для тебя — просто Сандра. Он ещё мальчишка и, наверное, будет играть с тобой в куклы. Моя дочь, — закончил Флорентиец.

Лорд Мильдрей, человек на вид лет под тридцать, плотный, серьёзный, с большими, добрыми и проницательными глазами, приветливо улыбался. Низко кланяясь, он почтительно поцеловал руку Наль, подал ей две розы и молча отошёл. Он был, видимо, поражён и красотой Наль, и тем, что у Флорентийца оказалась дочь, о чём он раньше не знал.

Сандра, смуглый, с живыми, блестящими, чёрными как уголь глазами, напомнившими Наль об Али, не мог сдерживать смеха при упоминании о куклах. И зубы его, белые на смуглом лице, сверкали, точно мраморные.

— Простите, графиня, но ваш отец заставил меня сразу выскочить из всех рамок установленных приличий, которым меня так долго и терпеливо обучает мой друг, лорд Мильдрей. Будьте великодушны к оксфордскому отшельнику, не так давно приехавшему из Индии, и для первого раза — простите. — И Сандра поцеловал протянутую руку так сердечно, что Наль почувствовала себя с ним очень просто.

Гонг ударил вторично, Флорентиец подошёл к Наль и повёл её к столу. Стараясь как можно увереннее идти, Наль не могла скрыть удивления, когда они вошли в столовую, где высокие стены и потолок были из резного тёмного дерева. Флорентиец подвёл Наль к длинному столу, где стояли приборы только на одном конце стола, и посадил её на место хозяйки, на узкой стороне стола. Поклонившись Наль, он занял место по правую её руку, по левую руку сел Николай, рядом с ним лорд Мильдрей, а Сандра возле Флорентийца.

Оказавшись в первый раз в жизни в обществе мужчин не только без покрывала, но ещё с открытой шеей и руками, Наль чувствовала себя совсем расстроенной. И только сознание, что рядом с ней её верные защитники, которым она вручила добровольно свою судьбу, помогло ей наблюдать, что и как они делали, и учиться жить по-европейски. Она старалась забыть о себе и думать только о них, как бы скорее перенять всё и облегчить их заботы о ней.

— Ну, Сандра, как идут твои уроки воспитания? — улышалась она голос Флорентийца.

— Из рук вон плохо, — сверкая снова всеми зубами, весело смеясь, ответил индус.

— Неужели всё ещё бегаешь по улицам, шагаешь через три ступеньки по лестницам и не помнишь, из какой рюмки какое вино надо пить?

— О, много хуже, лорд Бенедикт, — ответил Сандра, немало удивив Наль таким обращением к Флорентийцу.

Она с удивлением взглянула на Николая, говорившего ей так недавно, что у Флорентийца иного имени нет. В глазах Николая засветился юмор, но ответа на её немой вопрос он никакого не дал.

— Мои таланты к усвоению внешней галантности приводят в отчаяние моего доброго наставника. Куда бы он меня ни ввёл, я в том доме непременно оскандаюсь и уже вторично не рискую и являться, что немало печалит меня, — со вздохом признался Сандра.

— Зато таланты моего молодого друга в науке настолько поразительны, — вмешался лорд Мильдрей, — что он сразу перепрыгнул через два курса и сдал недавно работу, которую весь профессорский синклит счёл гениальным произведением.

— Я вам многим обязан, граф, — сказал Сандра, обращаясь к Николаю. — Обе ваши книги, изданные вами под именем капитана Т., как и последняя ваша брошюра о технике и математике, в связи с движением механики по неизбежным законам математики, дали моей теме такой основательный фундамент, что мне стыдно принимать одному похвалы за свою работу. В предисловии я упоминаю об источнике моего вдохновения, то есть о вас.

Удивление Наль возросло непомерно. Лёгкое прикосновение руки Флорентийца вернуло её на землю.

— После завтрака я расскажу тебе, Наль, об одном моём молодом друге, имя которого Лёвушка. И объясню, чем ты мне сейчас его напомнила, — тихо сказал Флорентиец Наль, пока между Николаем и Сандрой шёл учёный разговор.

Воспользовавшись минутным молчанием, Флорентиец спросил Сандру:

— Всё же ты мне не объяснил, за что тебя не пускают вторично в приличные дома.

— Ах, лорд Бенедикт, это целая трагедия. Только что лорд Мильдрей толковал мне, как надо кланяться дамам издали. Идти за ними надо осторожно, чтобы не оборвать оборок на их шлейфах, и так далее. Я все это учёл как следует, довёл свою даму до места и подал ей чашку чая. Начал я с нею, по моему суждению, самый светский разговор, как тётка нашла его мало приличным, под села к нам, чтобы направить нас на самые модные темы, и ввернула под мои ноги свой несносный шлейф. Ну конечно, когда я встал с места, её юбка отскочила от пояса, это было так смешно, что я и многие другие рассмеялись. Виноват ли я, что вся техника её платья заключалась в булавках у пояса?

— Он, видите ли, лорд Бенедикт, завёл с её дочерью разговор о курицах и телятах, — снова вмешался лорд Мильдрей. — Ну, сами понимаете...

Звонкий смех Наль утонул в общем смехе.

Вставая из-за стола, Наль несколько раз попробовала, крепко ли сидит на месте её юбка, чем насмешила всё подмечавшего Николая. Перейдя в гостиную, которой Наль ещё не видела, она удивилась тому, что золотистые обои, мебель и портьеры с коричневыми кистями и мелким бордюром из белых лилий были почти одного тона с её платьем.

Флорентиец предложил Наль самой подать всем гостям маленькие чашечки кофе. Наль сделала это с такой особенной грацией и изяществом, что Сандра воскликнул:

— Клянусь всеми богами Востока, что, если бы лорд Бенедикт не поразил меня сегодня, познакомив с вами как с его дочерью, я готов был бы присягнуть, что вы приехали с Востока.

— Я тебя ещё больше удивлю сейчас, — поглядев серьёзно на Наль, сказал Флорентиец. — Завтра моя дочь выходит замуж. Обряд венчания должен совершиться без всяких пышностей, толпы и оповещения. Ты говорил мне, что у тебя завёлся поклонник твоей мудрости — пастор. Не может ли он совершить обряд, ни о чём нас не расспрашивая, не требуя оглашения?

— Помилосердствуйте, лорд Бенедикт, когда же я вам говорил, что он поклонник моей мудрости? Он просто мой большой приятель, прощающий мне мои погрешности в этикете. Человек он исключительно честный и добрый и рад всем услужить. Я немедленно к нему отправлюсь и сообщу вам его ответ.

Проглотив кофе, Сандра встал, чтобы исполнить желание хозяина.

— Для ускорения дела садись в мой экипаж и, если сможешь, привези пастора сюда. Здесь он увидит сам жениха и невесту...

— И не устоит против чар невесты, — смеясь, перебил Флорентийца Сандра. — Еду, ручаюсь, что привезу пастора.

Отдав общий поклон, Сандра вышел.

— Вы не откажетесь, лорд Мильдрей, быть свидетелем на свадьбе моей дочери? — спросил второго гостя Флорентиец.

— Сочту большим счастьем присутствовать при соединении двух людей такой красоты. Я думаю, что, если бы я мог прожить ещё десять жизней, второй такой свадьбы я уже не увидел бы, — ответил лорд Мильдрей.

— Вы совсем переконфузили Наль, — рассмеялся хозяин.

Лицо Наль было задумчиво, даже немного печально. Казалось, она даже не слышала, о чём говорили вокруг.

— Отец, я хотела бы написать дяде Али. Письмо моё, конечно, не успеет до завтра к нему. Но всё же я хотела бы ему написать.

— Другими словами, ты желаешь нас покинуть до приезда пастора. Ну что же, как нам ни приятно твоё очаровательное общество, уж так и быть, мы перенесём часа два-три разлуки. Ты можешь не торопиться, пастор живёт на другом конце Лондона, и одной дороги к нему минут сорок.

С этими словами Флорентиец проводил Наль до двери и открыл её перед ней, кланяясь и улыбаясь ей.

Вернувшись к себе и застав Дорию за разборкой сундуков, Наль была удивлена количеством помешавшихся в них вещей. Но на этот раз, едва взглянув на ряд красивых платьев, она сразу перешла в свой будуар и, плотно закрыв дверь, села за письмо Али.

«Мой дорогой дядя Али. Сейчас я живу в Лондоне, в доме человека, которого никогда не знала и не видела, и в моей жизни совершаются чудеса одно за другим.

Сейчас я расскажу тебе, мой любимый дядя, о первом и самом великом чуде, совершившемся сегодня. Я знаю, что не найду точных слов, чтобы его выразить. Но также знаю, с раннего детства знаю, что, если только я всем сердцем тебя зову, ты тотчас же отвечаешь мне. Ах, вот и сейчас так ясно вижу твои чёрные глаза, добрые, благословляющие. Их лучи точно проникают в меня, согревают. И теперь я знаю, что найду нужные слова, — ты поймёшь всё, что мне необходимо тебе сказать.

Дядя, как могло случиться, что, выращенная, воспитанная, скажу прямо — созданная тобой, я ни разу не назвала тебя отцом? Ты и я — это для меня как бы одна плоть, один дух. Я всегда, везде, во всём точно где-то сбоку возле тебя. Я — часть тебя. Меня немислимо оторвать, потому что сердце моё слилось с твоим, а образ твой — он как бы сверкает у меня между глаз, я будто ощущаю его вросшим в мой лоб.

Отец ли ты мне после этого? Отец. А между тем, имея всё в жизни от тебя, через тебя, всё — от детства и защи-

ты в нём, до любви и мужа, — я никогда не сказала тебе этого слова. А здесь, сегодня, неведомый мне доселе твой друг Флорентиец взял меня на руки — и сердце моё утонуло в блаженстве и сказала: «Отец».

Когда я увидела его, мои уста повторили это слово и выдали ещё одну тайну, скрытую в сердце: что жить без него, того, кому я сказала «отец», я уже больше не смогу.

Тебя нет со мной, но как ясно я сейчас вижу тебя в твоём саду, точно я рядом с тобою, и я живу. Я уехала от тебя, дядя, не без скорби и тревог, хотя сила твоя — я её чувствую — трепещет во мне так же, как жила и трепетала при тебе и с первых минут разлуки с тобой. Я уехала за мужем, которого ты мне дал. Я все это время дышала, жила, любила. Но теперь, если бы жизнь повернулась так, что из неё для меня исчез бы тот, кому я сказала «отец», — я бы уже жить не могла. Разве только подле тебя, дядя, той силой, что лилась и льётся в меня сейчас от тебя. У меня такое чувство, точно я тебя обокрала. Точно я взяла у тебя кусок жизни, врезалась в неё, а возвращаю тебе часть любви, а не всю любовь до конца.

Но ведь на самом деле это не так, дядя Али. Ты для меня — всё, вся суть жизни. Если бы ушёл из жизни ты, я ушла бы даже не от тоски, а как часть тебя, хотела бы или не хотела бы я этого, выбирала бы или не выбирала бы я себе такую долю.

Главное в моей теперешней жизни — это он. Тот, кому я сказала «отец». Не знаю, поймёшь ли ты меня, я так путано выражаюсь. В нём, в отце, светит такое обаяние, такой радостью веет от него, точно какой-то путь из света тянется за ним и перед ним. И мне не надо закрывать глаза рукой и говорить, как тебе: «Дядя Али, убери свой свет, он меня ослепляет». Его свет я не только выношу — он мне несёт блаженство. От твоей силы я падала, точно разбитая, а его

сила даёт мне уверенность в защите. Но и это ещё не всё, мой друг, мой обожаемый дядя Али. Ты дал мне мужа, того, кого я после тебя любила больше всех. Я ехала легко, я думала, что им тоже любима. Если и не так любима, как любят женщин у нас, то всё же любима. Но этого, дядя, нет. Отец сказал сейчас, что завтра будет наша свадьба. А я не плачу только потому, что помню, как, расставаясь со мною, ты мне сказал: «Там твой путь».

Сила твоя — о, как я ясно вижу тебя сейчас, как ласково ты улыбаешься мне, — вошла в меня. Я маленькая женщина, я ничего ещё не знаю, но сила твоя, верность твоя живут во мне и будут жить до смерти. Ты пойми, дядя Али, мой дядя-создатель. Я не протестую, но я чувствую себя навязанной мужу.

Отец сказал, что помощь моя тебе, ему и многим будет заключаться в той новой, освобождённой семье, которую я и Николай должны создать. Я знаю, что такое закрепощение в предрассудках. Знаю уродливую семью, где выросла сама. Думаю, что знаю, как должны создаваться радостные, гармоничные семьи. Но для этого нужны двое. Для этого нужна любовь обоюдная. А Николай меня не любит. Он не только не прижал меня к сердцу ни разу, он даже не поцеловал меня, не обнял, не приласкал. Он точно боится меня и говорит мне «вы».

О, дядя, вдохни в меня уверенность. Моя верность тебе и данному тобой завету поколебаться не может: она живёт в тебе, я её черпаю в тебе, я часть тебя. Но что толку держать верность в сердце и не уметь действовать каждый день именно так, как надо...

Я знаю теперь, я поняла всё, что ты сейчас мне говоришь, дядя, дядя, я слышала всё, что ты сказал! Какое счастье, что я теперь понимаю, что ты послал меня к отцу сюда! Да, да, теперь я буду знать, как мне завоевать любовь мужа, как

мне создать семью. Он — отец — научит меня, и ты об этом знал. О, это снимает бремя с моей души. Я не могу вообще выносить ни в чём компромисса или двойственности. Меня так мучило, что ты можешь подумать, будто где-то, краешком сердца, я изменила тебе.

Я ношу в своём сердце скорбь о горе Али Махмуда. Но, видит Аллах, я ему ничем и никогда не подала надежды. Напротив, я ему доверила тайну моей любви к капитану Т. Он ей не верил и шутил, называя его принцем из сказки.

До свидания, дядя. Я снова твоя счастливая Наль. Я уже не буду горевать, я буду стараться действовать просто. Теперь, когда я вдруг увидела тебя, услышала твои слова, я знаю, как, где и у кого спрашивать совета, если отец не сможет мне его дать. И мне легко, я знаю, как тебя позвать. Я буду садиться за письмо к тебе — и увижу тебя в твоём саду, а потому буду всегда твоей счастливой Наль».

В дверь постучали, и Николай вошёл звать Наль знакомиться с пастором.

— Бог мой, что с вами, Наль? Вас точно подменили. Вы уходили такая печальная, а сейчас, право, вы точно пропитались светом и гармонией в саду Али.

— Это верно. Мои детские горести рассеял дядя Али. Его сад, где были мои мысли, развеял этот противный туман. А если бы вы разрешили мне надеть ещё какой-либо шарф, мне было бы и удобнее, и теплее. Здесь мне всё время холодно.

Николай позвонил и приказал Дории подать графине какой-нибудь тёплый шарф. Через минуту он проводил свою закутанную в белую шаль супругу обратно в гостиную.

— Ну вот, вы видите перед собой теперь обоих моих детей, — сказал Флорентиец, подводя к пастору Николая и Наль.

— О да, ваши дети подходят друг другу. Признаться, когда мой оксфордский приятель рассказывал мне о кра-

соте невесты, я ему не очень верил, потому что о женихе он мне сказал: «Такого учёного, красавца, мудреца и воспитанного человека мог найти своей дочери только лорд Бенедикт. Это надо выдумать в романе такую пару, и то в романе восточном, а не английском». Но так как Сандра бредит Востоком — я не особенно ему поверил. Теперь же я рад соединить ваших детей хоть сейчас.

Пастор был высокого роста, седой, но со свежим и молодым лицом. Необыкновенная доброта сквозила на его умном лице и в синих глубоких глазах. Он сел напротив молодых людей и, соединив их руки, сказал:

— Я уверен, что через двадцать лет, стоя во главе большой семьи, вы будете примером своим соседям и будете всё так же влюблены друг в друга.

На лице Наль появилось такое явное замешательство, что добрый старик, устремив на неё пристальный взор, тихо спросил:

— Вы любите своего жениха?

— О да, очень, и давно, — не колеблясь, ответила Наль.

— Давно, значит, с детства. Вам не может быть более шестнадцати лет, хотя ваш туалет и делает вас солиднее. А вы, вы любите вашу невесту?

— О да, очень, и давно, — повторяя в точности ответ Наль, сказал, улыбаясь, Николай.

Быстрый как молния взгляд, брошенный на Николая, вспыхнувший на лице Наль румянец, сменившийся бледностью, заставили на мгновение задуматься пастора. На его добром лице выразилось огорчение. Он ещё раз взглянул на прекрасное, дышавшее честью лицо Николая, и внезапно его собственное лицо просветлело.

— У вашей дочери, лорд, вероятно, нет матери? Не решите ли вы мне переговорить с нею несколько минут без свидетелей?

— Я буду вам очень благодарен. Если вы заметили в сердце Наль какое-то замешательство, вам будет легче венчать её, если вы уверитесь в её любви к будущему мужу, — ответил Флорентиец.

— Нет, у меня нет сомнений, лорд. Но женщина, вступая в брак по любви, должна быть спокойна и уверена и в себе, и в муже. Я думаю, тут есть маленький детский страх, который я сумею рассеять.

Флорентиец открыл дверь в соседнюю комнату и, пропустив туда Наль и пастора, закрыл за ними дверь. Как только они переступили порог комнаты, оба замерли от удивления и какого-то особого чувства мира и благоговения. Комната была вся белая, обтянутая белой материей, блестящей, как шёлк, и похожей на замшу. Там был пол из белых и золотых плит, походная кровать, обтянутая такой же материей, как стены, и на ней две звериные шкуры. На белом столе высилась зелёная высокая ваза с букетом лилий.

— Как здесь дивно. Здесь всё как сам отец, — прошептала Наль.

— Надо и вам быть всегда таким вот храмом для вашего мужа и детей. Ваш муж сейчас относится к вам как к святыне. А вы думаете, что он вас не любит. Идите, дитя, ваш жизненный путь — как эти лилии, на которые вы похожи чистотой и красотой. Здесь, в эту минуту, я венчаю вашу душу с душой вашего мужа. Берегите его. Ему много предстоит испытаний. Охраняйте его. Неся по жизни бремя красавицы-жены, не каждый смог бы пронести сердце без ревности и подозрений. Ваш муж не мог бы перенести ни мгновения вашей неверности. Будьте честны до конца, бдительны и добры. Остальное придёт.

— Я поняла вас. Я буду думать о муже, а не о себе. Отец и он помогут мне создать семью. Я благодарна вам. Теперь я знаю, я спокойна.

Точно чувствуя, что пора открыть дверь, Флорентиец встретил на пороге Наль и пастора. Если лицо Наль Николай назвал преображённым, когда пришёл за ней наверх, то теперь оно сияло так, что у экспансивного Сандры вырвался не то стон, не то крик. Наль бросилась на шею Флорентийцу, который поднял её и прижал к себе. Опустив её на землю, улыбаясь и указывая на Николая, он сказал:

— А его разве не обнимешь?

— Завтра, — по-детски прижимаясь к Флорентийцу, закрываясь шарфом, сказала Наль.

Лицо Николая вдруг стало смертельно бледно и напряжённо. Он обрадовался родственнику Наль, которого Флорентиец тут же представил гостям.

— Наконец-то я пришёл в себя. Море меня уложило, а этот холод заставляет кровь стечь в жилах.

— Это легко поправимо, — любезно ответил хозяин и приказал развести в камине огонь, чем обрадовал Наль и Сандру, к удивлению северян, которым было жарко.

Пастор подошёл к Флорентийцу и, условившись о часе венчания, дав точный адрес церкви, пожал руки влюблённым и вышел, провожаемый хозяином.

Как ни хотелось Наль поговорить с Николаем и рассказать о дивной комнате Флорентийца, она инстинктивно почувствовала, что обязана занять гостей до возвращения отца. Поблагодарив Сандру за его хлопоты, она выразила удивление, как у него, такого юного, может быть такой пожилой друг, как пастор.

— Все мои попытки найти себе друзей в университете не приводят ни к чему. Я не увлекаюсь ни боксом, ни другим спортом, вижу в них только необходимую тренировку тела. А мои товарищи видят в них одну из осей жизни. Попытки лорда Мильдредя ввести меня в семейные дома также оказались неудачными. Что же мне делать? Я ищу друзей среди людей науки.

— Но ведь вы не думаете, что с девушками можно говорить только о курицах и телятах. Я, правда, не знаю тоже, какие темы полагается выбирать в гостиных, — смеялась Наль, — но я представляю себе, что вы могли бы обогатить каждого своим разговором, побудив человека мыслить по-новому, если вы так потрясаяще умны, как говорил нам лорд Мильдрей.

— Вот то-то и оно, графиня, что есть такое маленькое словечко «такт», которое помогает жить людям и с малым умом, — добродушно сказал лорд Мильдрей. — Оно же мешает выбраться из постоянных ошибок умнику.

Возвратившийся Флорентиец сердечно поблагодарил Сандру, сказав, что он у него в долгу. Условившись, что оба свидетеля заедут к двенадцати часам следующего дня к нему, Флорентиец просил их не беспокоиться об экипаже, который будет их ждать в его доме. Из церкви все проедут к нотариусу для ввода во владение новым имуществом мужа и жены, а затем к раннему обеду вновь сюда. Удивлению двоюродного дяди Наль не было границ.

— Я получил поручение Али, моего друга и брата, доставить вам, Флорентиец, Наль, которая должна стать женой капитана Т. Но чтобы вручить её вам как дочь, об этом я не имел никаких указаний.

— Но зато я их имел, — перебил его Николай. — Так же, как имею и ещё одно указание Али, чтобы вы присутствовали на нашем бракосочетании, а затем возвращались домой вместе со своим слугой.

— Слава Аллаху, значит, мне не надо сопровождать вас ни в Америку, ни куда-либо ещё?

— Нет, — смеясь ответил Николай. — Вы даже можете ехать обратно домой через Париж, и вам придётся только пересечь пролив на ненавистном вам пароходе.

Флорентиец предложил Наль и Николаю проехаться с ним по городу до обеда, а дрожащему от холода южанину дал книгу, которой он обрадовался больше, чем ребёнок кукле. Укутав старика у камина в плед, трое друзей, переодевшись в соответствующую погоде одежду, поехали в экипаже по шумным улицам Лондона. Наль, никогда не видевшая такого большого города, да и в К. знавшая только его часть, через которую проезжала в загородный дом дяди Али, была так поражена, что только молча поворачивала из стороны в сторону свою прелестную головку.

Флорентиец называл ей выдающиеся музеи, говоря, что она их вскоре посетит. Обещал сводить её в театр, о котором она имела понятие только из книг. Изредка он упоминал, кому принадлежит тот или иной роскошный особняк или выдающийся по архитектуре дом.

Повернув на одну из улиц, экипаж внезапно остановился у небольшого одноэтажного дома. Дом был красив по архитектуре, хотя старинного и немодного образца, с небольшим, прекрасно ухоженным садом, окружавшим весь дом.

— Здесь живёт милый пастор, так доброжелательно отнёсшийся к нам, и особенно к тебе, Наль. Не хочешь ли нанести ему ответный визит и, кстати, посмотреть церковь, где ты будешь завтра венчаться? — спросил Флорентиец.

— Ах, очень хочу. Но не могу скрыть, отец, что стесняюсь войти первый раз в чужой дом. Я не знаю, как себя в нём вести.

— Очень просто. Так, как если бы ты пришла к друзьям. Если будешь нести доброту в сердце, не сделаешь бестактности. Не кланяйся по-восточному, а протягивай только руку, что ты, плутовка, умеешь делать теперь очень красиво.

Говоря с Наль, Флорентиец помог ей выйти из экипажа и ввёл на довольно высокое крыльцо с двумя сходами. Николай ударил молотком в дверь, отчего раздался мелодичный

звон, что тоже немало удивило Наль. Послышались поспешные шаги за дверью, и старый слуга впустил их в просторный холл, по стенам которого стояли высокие деревянные вешалки и стулья готического стиля, и на двух окнах стояло много цветущих цветов. Спокойствием веяло в доме. Всюду были разостланы ковровые дорожки и царили такая чистота и порядок, что это удивило не только Наль, но и чрезвычайно следившего за порядком Николая.

Взяв визитные карточки гостей, слуга ввёл их в гостиную, тоже старинную, с огромным камином, большими диванами и креслами, обитыми синим шёлком, и с белыми, безукоризненной чистоты, кружевными занавесками на трёх широких окнах.

— Удивительно, как красиво внутри в западных домах. И так тихо в них, мирно, не то что у нас на Востоке в семьях, отец.

— Ты судишь пока лишь по моему и этому дому, по единственным западным домам, которые ты видела. Но когда-нибудь ты увидишь и будешь различать дома так, что их внешняя роскошь не скроет от твоих глаз внутренних язв разложения, дочь моя.

Дверь соседней комнаты открылась, и вошёл пастор, приветствуя своих неожиданных гостей и благодаря их за честь посещения его дома.

— Я хотел сделать невесте маленький сюрприз к завтрашнему дню, — приветливо сказал пастор. — Любой девушке должно быть скучно венчаться в окружении одних мужчин. Я так много наговорил о юной невесте моей жене и дочерям, что они решили немедленно обновить свои белые платья и быть вам завтра подружками на венчании. А жена будет посажёной матерью, как полагается по здешним обычаям. Но сейчас, лорд Бенедикт, узнав о вашей любезности, свойственной только истинно высокой культуре, мои до-

чери и жена не желают пропустить случая познакомиться заранее с вами и вашей дочерью. Слышите, какое там нетерпеливое ожидание? Если вы ничего не имеете против, я их позову, — глядя на Наль, сказал пастор.

— О, как вы добры, вы верно поняли мою маленькую детскую печаль, что ни одной женщины не будет на моей свадьбе. Если можно, разрешите нам познакомиться скорее.

Пастор открыл дверь, за нею стояли три женские фигуры с цветами в руках. Старшей женщине было лет сорок; она была полноватой, с ярко-рыжими волосами, большими чёрными глазами и резкими чёрными бровями, словно вырисованными на белой коже высокого лба. Разделённые на пробор волнистые волосы, свитые у шеи в тугие косы, были огромны. Женщина была ещё молода и очень красива.

— Леди Катарина Уодсворд, — сказал пастор, подводя её к Наль. — Моя жена венецианка, — прибавил он, обращаясь ко всем. — А это вот — первый номер, мисс Джени Уодсворд, как видите, не просто вся в мамашу, но прямо-таки точная её копия. Это — номер второй, мисс Алиса Уодсворд, вся в папашу, не имеющая возможности претендовать на венецианское происхождение, судя по цвету своих волос.

Девушки и мать отшучивались, пока пастор рассказывал всем о том, как им хотелось познакомиться с невестой. Пастор сказал, что его младшая дочь даже решила пойти посмотреть хотя бы дом невесты и оставить ей в подарок букет цветов из своего сада.

— О, папа, — заразительно засмеялась девушка, — ты приехал таким влюблённым в заморскую красавицу, что поневоле всех нас взбудоражил. Но я согласна, что предмет твоего восторга ещё очаровательнее, чем это можно было представить по твоим словам.

Если Наль была восточной красавицей, чьей красоте невозможно было не изумляться, если Джени нельзя было

не заметить из-за её медных волос и тёмных бровей и чёрных блестящих глаз, контрастирующих с алебастровой кожей и алыми губами, то Алису нужно было рассмотреть, чтобы оценить её красоту. Её пепельные, слегка с золотом, красиво вьющиеся волосы, не такие густые, как у матери и сестры, но зато лёгкие, играли, как ореол вокруг лица, и выбивались у висков и шеи. У неё были тёмно-синие, как южное небо, чуть выпуклые глаза, как у её отца. Какая-то особенная искренность, чистота во всём облике, живость манер и грация делали её удивительно обаятельной. От неё веяло любовью и миром, она казалась центром, объединяющим всю семью. Доброта Алисы покоряла каждого. Пасторша и её старшая дочь, сердечно приветствуя Наль и её спутников, всё же походили на светских дам, радушно принимающих приятных, но чужих людей. Алиса же сразу обняла Наль, восхищаясь её красотой и совершенно не сознавая красоты своей собственной. По-детски всплеснув руками, она сказала:

— Папа был прав. Он говорил, что Сандра не нашёл красок описать вас.

— Но Сандра, кажется, что-то говорил и о нас, — раздался голос Флорентийца за спиной у Алисы. — А вы на нас и поглядеть не хотите, мисс Алиса, — с неподражаемым юмором произнёс лорд Бенедикт, поклонившись девушке, и представил ей Николая.

Девушка, почти ребёнок, как и Наль, смутилась, покраснела и, взглянув на Флорентийца, низко присела в реверансе.

— Я не могу понять, кто же из вас отец, а кто жених. Вы оба женихи, по-моему, — робко сказала она.

— Не знаю, для кого из нас ваши слова являются комплиментом, но мы оба благодарим вас за него, — под общий смех ответил Флорентиец.

— Не откажите выпить с нами чашку чая, — предложила хозяйка. — У нас, по старинному обычаю, чай пьют в столовой, а не в гостиной.

Алиса снова подошла к Наль, предлагая ей снять шляпу, что та охотно сделала и стала выглядеть ещё красивее. Флорентиец сел рядом с Алисой и спросил её, не ей ли принадлежит инициатива быть подружками его дочери на завтрашней свадьбе.

— Нет, папе. Как, впрочем, и всё самое высокое и благородное, что выходит из нашего дома, всегда принадлежит ему.

— У вас как бы две партии в доме: вы и папа, ваша сестра и мама?

— Это верно до некоторой степени, потому что мы все очень дружны. Каждый живёт, как ему хочется, и никогда мы не расходились во мнениях так, чтобы быть недовольными друг другом. Я думаю, вы очень хорошо понимаете меня. Вы тоже с вашей дочерью ни в чём не схожи. Но представить себе, что вы могли бы быть друг другом недовольны, невозможно.

Общий разговор как-то внезапно смолк, и все услышали, как Дженни говорила о последних книгах капитана Т., которые ей дал Сандра, восторженно о них рассказывая. Хваля автора, девушка и не предполагала, что видит его перед собой, а желала только блеснуть своей образованностью. Николай подшучивал над этими дифирамбами, указывая на недостатки книги и уверяя, что автор мог бы лучше разрабатывать свои тезисы, чем привёл в негодование юную венецианку, горячая кровь которой вспыхнула розами на её щеках и огнём в глазах.

— Она, граф, у нас учёная, — засмеялся пастор. — А главное, обе сестры такие поклонницы Сандры, что его авторитет в этом доме стал просто непререкаем. Когда-нибудь сёстры поссорятся с критиками, которым Сандра не

нравится. Раз книга капитана Т. признана сим учёным совершенством — конечно, граф, и не критикуйте. Но, признать, книга и меня расшевелила. Много бы я дал, чтобы увидеть русского мудреца, написавшего её. Это, вероятно, уже глубокий старик.

— Капитан Т. — старик? — Наль неудержимо рассмеялась, будучи не в силах представить себе Николая стариком. — Да ведь он перед вами. И ваша дочь, Алиса, несколько минут назад не могла решить вопроса, кто же из двух мужчин мой жених.

Пастор и вся его семья с удивлением смотрели на Наль, не улавливая соли шуток.

— Моя дочь не шутит. Капитан Т. — это псевдоним графа Т., жениха моей дочери, сидящего перед вами.

Дженни была поражена больше всех. Она теперь стеснялась Николая, книгу которого только что расхваливала, а Алиса, во всём подмечавшая юмористическую сторону, сказала Флорентийцу:

— Я предполагаю, что вы нарочно, лорд Бенедикт, не сказали нам, что граф — писатель. Потому что вы сами — я уверена — не только писатель, но... вот как бы это выразить, — задумалась она, — нет, не колдун, но всё же что-то в этом роде. Вы всё можете.

— Всемогуший Боже! — в притворном ужасе воскликнул пастор под весёлый смех гостей. — Алиса, дочь моя, ты меня убила. Неужели это результат нашего воспитания, мать? — громче всех смеясь, говорил пастор.

— Сэр Уодсворд, ваша дочь очаровательный ребёнок, и я понял вполне её мысль. Уверяю вас, мы будем с нею отличными друзьями, — пожимая ручку Алисе, ответил Флорентиец.

— Дай-то Бог, — покачивая головой, серьёзно сказал пастор.

Весело и непринуждённо простились гости с хозяевами, и Флорентиец пригласил всю семью к себе на ранний обед завтра, после бракосочетания, сказав, что его экипажи будут ждать всех гостей у церкви.

Осмотрев церковь, поразившую Наль размерами, Флорентиец и его дети возвратились домой. Наль была задумчива во время обратного пути, и на вопрос Флорентийца призналась, что по обычаю Востока каждому гостю надо что-то подарить, а у неё нет ничего, и она не знает, что делать.

— Об этом не думай. Предоставь всю внешнюю сторону церемонии и заботы о ней мне. Лучше подумай об Али и Николае. Пойди в свою комнату, я приказал Дории приготовить тебе белый восточный костюм. Надень его, укрась себя по-восточному, как к свадьбе, и набрось драгоценное покрывало. Думай, что не завтра совершится твоя свадьба, где будет только внешний её обряд, а сегодня, в святая святых твоего сердца. Через час сойди вниз, в ту комнату, где ты беседовала с пастором.

Пройдя к себе, Флорентиец дал лекарство старому дяде Наль, велел ему немедленно лечь в постель, обедать лёжа и встать только завтра утром. Затем он вошёл в свою тайную комнату, проведя в неё Николая.

— Мой друг, мой сын. Ты провёл пять лет возле Али и так далеко двинулся в своих знаниях, что он принял тебя сразу в число своих близких учеников. Ты считал, что для тебя ученичество — это прежде всего целомудрие и безбрачие. Теперь, когда Али указал тебе путь вступления в брак и создания семьи, ты не протестовал, а принял это. Но в душе ты продолжаешь думать, что чем-то провинился и сходишь с тропы ученичества, которого не достоин. И всё это только потому, что женишься на девушке, которую преданно и страстно любишь много лет.

Ты выполняешь приказание Али, повинаясь ему беспрекословно. Но в сердце твоём боль. Тебе кажется, что ты сворачиваешь в сторону. Ты забыл, что ученик идёт так, как ведёт его Учитель. Ты не принимаешь во внимание, что те широчайшие планы, где всё охватывает взор Учителя, не может охватить взор ученика, как бы мудр он ни был. Посвящения ученика идут по ступеням не только его личного роста. При этом учитывается и та сила помощи планам Учителя, до которой он созрел. Ты можешь служить сейчас не только великому плану Али, но и моим планам, и планам многих других, кто отдаёт свою жизнь и труд на благо светлого будущего всего человечества.

Падение общей культуры тесно связано с нравственным падением и разложением семьи. Люди, закрепощённые в страстях, в тысячах мелких предрассудков, не могут помочь обновлению общества. И потому на ряд очень продвинутых учеников возлагается задача создания новой, радостной, раскрепощённой семьи. Только люди, обладающие мудростью, прожившие до часа свадьбы в полном целомудрии, могут стать истинными воспитателями для нового поколения нужных Учителю людей.

В твоей будущей семье среди пятерых талантливых детей должны воплотиться двое гениальных людей. Не огорчаться надо тебе, что ты изменяешь ту форму пути, которую сам выбрал, но быть счастливым и усердным учеником. Счастливым вдвое, ибо можешь выполнить ту задачу, которую Учитель тебе доверил. Создай мир под своим кровом. Создай честную семью, где будут царить правдивость и верность. Создай атмосферу доброты, чтобы Учитель мог всегда прийти к тебе и звать тебя за собою дальше.

— Я не от того страдал, что Али приказал мне изменить мой путь. Я приму любой указанный мне путь беспрекословно. Мне показалось, что Али, увидев мою любовь

к Наль, снизошёл к моей слабости. Но, Бог мне свидетель, я ни разу и ничем не дал девушке повода думать о той беспредельной силе любви, которая завладела мной.

— Чем немало и огорчил бедняжку, — улыбнулся Флорентиец. — Повторяю: оставь мысль о снисхождении к твоей несуществующей слабости. Только сильные, бестрепетные сердца нужны для дел Учителя, и только им он может посылать свои зовы. Его зов тебе — семья.

В этот момент раздался стук в дверь.

— Войди, — сказал Флорентиец.

Вошла облачённая в роскошное свадебное покрывало Наль. Её белая фигура так гармонировала с этой белой комнатой, что казалась её неотъемлемой частью.

— Сядь здесь, дочь моя, — усадил Флорентиец Наль на маленьком диване рядом с собой. — А ты, друг Николай, найдёшь в моей туалетной комнате белый халат, точно такой же, какой прислал тебе в день пира Али. Там же увидишь длинную белую одежду ученика. Надень их и вернись сюда.

Оставшись наедине с Наль, Флорентиец взял её за руку и сказал:

— Когда Бог зовёт человека — Он даёт ему два пути: или путь радости, или путь великой скорби. Средины нет. И ты, и твой муж — вы оба счастливые избранники, ибо обоим вам Он назначил путь радости. Ты была с детства подготовлена дядей Али к высокой духовной жизни. Это редкое счастье. Обычно человек много скитается по жизни, пока подойдёт к источнику мудрости. Не горюй, что тебе сейчас предстоит оставить всех и всё, к кому и к чему ты привыкла, уйти от Али и перейти ко мне. Через много лет, закалённая, ты вернёшься к Али, к его пути силы, которая пока подавляет тебя, и ты не можешь на этом пути развернуть всех своих дарований. Ты пойдёшь сейчас путём обаяния и такта.

Пленяя людей красотой, ты своей чистотой будешь увлекать их на путь высокой духовности. Помни: зло никогда тебя не коснётся, пока страх, неверность и ложь не коснутся тебя. Злу несносна атмосфера чистоты, и оно бежит её. И только тогда, когда мелькнёт тончайшая трещинка сомнений в твоём сердце, — только тогда зло сможет коснуться тебя. Всё — в самом человеке. И не внешняя жизнь подавляет или обновляет его, но сам человек создаёт свою жизнь. Он сам носит в себе все свои чудеса.

Наль сидела, по-восточному закрывшись покрывалом, прикинувшись к отцу, и в этой позе нашёл её вошедший Николай.

Флорентиец откинул покрывало с лица Наль и помог ей сверх её белого восточного наряда надеть халат из такой же материи, как белая одежда Николая, тонкой, как бумага, мягкой, как шёлк, и матовой, как замша.

— Побудьте здесь немного вдвоём. Подайте друг другу руки и подумайте, какой серьёзный шаг вы делаете. На всю жизнь вы отдаёте друг другу свою верность. И в этой верности вы должны следовать за верностью Учителя, творя свой простой, обычный день в доброте и этим исполняя закон жизни.

Оставив их одних, Флорентиец вышел. Наль подала руки Николаю.

— Прости, Наль, что я огорчил тебя и дал тебе повод думать, что я мало люблю тебя. Я не смел говорить тебе до сих пор о любви. Я считал невозможным для себя счастье прижать тебя к себе и прожить с тобой всю жизнь. Я думал, что мне назначено одиночество, а не радости семьи. Теперь я понял, какое великое и незаслуженное счастье пришло ко мне. Я отдаю тебе всю жизнь, как я отдал её всему, что указал мне Али. Но тебе я отдаю её в таком счастье, о каком никогда не мог мечтать.

— Николай, я никого не любила с детства, кроме дяди Али, в котором была вся моя жизнь. Едва я выросла, я увидела тебя. И... уже никогда больше не была свободной. Я была всюду с тобой, ты был неразлучен со мной. И если теперь меня отдают тебе — то я сама отдала себя тебе лет пять назад. Ты вошёл в мою жизнь, в моё сердце, в мою душу точно так же, как дядя Али. И если до этой минуты я думала, что я навязана тебе, то сейчас я совершенно счастлива, зная, что ты тоже хотел меня в жёны. Я же не могу принять жизни иной, как в роли твоей жены.

Дверь открылась, и вошёл Флорентиец. Он был в белой одежде с широкой вышивкой внизу и на рукавах. Талию его высокой фигуры охватывал пояс из выпуклых изумрудов, а на его прекрасной голове была повязка из таких же камней. В руках он держал маленькую светящуюся палочку. Он поднял в восточном углу комнаты белую крышку стола, как думали сначала Наль и Николай, и под ней открылся небольшой мраморный престол, где горел огонь. Он поставил молодых людей перед престолом на колени и сказал:

— Здесь, перед лицом того Бога, что каждый из вас носит в себе, перед лицом вашей совести, чести и красоты, внутри вас живущих, я венчаю вас, соединяя навек. Сохраните вечную память об этой минуте. Не для похоти и чувственных наслаждений горит в вас любовь. Но горит в вас огонь вечной чистоты, в которой оба вы отдаёте себя друг другу для великой цели. Вы будете не слепыми родителями, животной, безумно и лично привязанными к вашим детям. Вы будете хранителями тех душ, что придут через вас в жизнь. Вы создадите им мир. Чистый ваш дом будет им пристанищем, где им суждено будет родиться, погостить и уйти так, тогда и туда, куда позовёт их Жизнь. Храните связь друг с другом, со мною и с Али. И несите не бремя жизни, не иго ученичества, но радость труда, разделённого с нами.

Он поднял обе руки над их головами. Прикоснулся палочкой к огню, горевшему на престоле, и затем, что-то говоря на языке, которого Наль не понимала, коснулся палочкой её головы. Ей показалось, что по ней пробежал огонь, прориник до самого её сердца и что сейчас всё на ней вспыхнет. Но Флорентиец уже повернулся к престолу, снова коснулся палочкой огня на нём и прикоснулся ею к голове Николая.

Он — так же, как и она мгновение назад, — весь содрогнулся. А Флорентиец уже вновь повернулся к престолу и коснулся попеременно огня обоими концами палочки. Когда оба её конца засветились, он снова обернулся к ним и положил палочку одновременно на их головы. Глубочайшее содрогание, точно удар электричества, испытали вместе и Наль, и Николай. Тёплые струи какой-то новой силы пробежали у каждого из них по позвоночнику к голове. Флорентиец положил палочку у горящего на престоле огня. Он взял с престола два одинаковых перстня, с изумрудом и бриллиантом каждый, и надел их жениху и невесте.

— Встаньте, — сказал он им. — Вы — муж и жена. Будьте всегда такими чистыми и, где бы вы ни жили, всегда ощущайте, что я рядом с вами. Сочетав вас браком перед этим огнём Вечности, я взял ваши жизни на себя. Перед Вечностью нет отцов, матерей и детей по плоти и крови. В Ней есть отцы и дети по духу и огню.

Пойдёмте, я проведу вас в вашу спальню.

Он опустил покрывало на лицо Наль, соединил их руки, обнял их обоих, крепко прижав к себе, и пошёл впереди них наверх. Проведя их через комнату Наль в другую дверь, которой она раньше не заметила, он ввёл их в большую комнату, посредине которой стояла широкая белая постель. И всё в этой комнате было белое, вплоть до ковра и шкур белых медведей, брошенных у каждой стороны постели. Подведя их к кровати, Флорентиец сказал Наль:

— Твой муж так же чист, как и ты. Он отдаёт тебе такую же девственность, какую ты отдаёшь ему. Прими его не только как мужа, но как воспитателя и друга, мудрого руководителя, который знает много больше тебя.

До завтра, дети мои. Ровно в двенадцать часов я за вами приду. Будьте совершенно готовы к этому времени и ждите меня. Дории сказано, как завтра одеть тебя, Наль.

Опустив полог над кроватью, Флорентиец вышел, закрыв за собой дверь...

Когда Наль проснулась утром, мужа рядом с ней не было, но она слышала плескание воды в ванной комнате рядом. Через несколько минут вошёл в купальном халате Николай и, думая, что Наль спит, положил возле неё стёганный шёлковый халатик и мягкие туфли, стараясь не делать шума. Наль рассмеялась, натянув на себя одеяло поверх головы.

— Наль, дорогая, вставай, ванна готова. Беги туда. Я боюсь, как бы ты не опоздала, уже около десяти часов. — С этими словами он быстро вышел из комнаты, а Наль скользнула в ванную, где её уже ждала Дория.

— Во что вы меня сегодня оденете, Дория? Отец сказал, что дал вам все указания. Ведь сегодня будет много чужих людей. Надо, чтобы мы с вами не ударили лицом в грязь, — плескаясь в ванне, быстро говорила Наль.

— Не беспокойтесь, во что бы я вас ни одела — вы затмите всех.

— Ну, вот и ошиблись. У пастора такие дочери, что даже в сказках не найти. Одна рыжая.

— Рыжая? Что же тут хорошего?

— Я не сумею вам сказать, что именно. Но только она необыкновенная. Знаете, как-то её не пристроишь ни к какому делу. Она — настоящая светская дама. А вторая — ну та простая вроде меня.

— Значит, красавица? И косы, как ваши?

— Нет, она вся в кудрях. Глаза синие. Волосы пепельные с золотом. А доброта — вроде ангела. Так хороша! Лучше не найти.

Так беззаботно болтая, Наль хранила глубоко внутри, в сердце, какое-то новое сокровище жизни. Ни за что и ни с кем она не поделилась бы тем счастьем, которое наполняло всю её душу. Она точно несла обеими руками чашу любви, полную до краёв, которую боялась расплескать. В её сердце ярко сияли три образа: дяди Али, отца-Флорентийца и мужа. Усевшись за туалетный столик, Наль доверилась умелым рукам Дории. Сама же мыслями унеслась в сад дяди Али, где снова так ясно увидела его улыбающимся, что рванулась вперёд, почти разрушив старания Дории.

— Что случилось? Я причинила вам боль? — с отчаянием спросила Дория, у которой и гребень, и шпильки выскользили из рук.

— Нет, Дория, простите. Господи, теперь вам надо всё снова делать, и я опоздаю, — огорчённо сказала Наль.

— Ничего, минута спокойствия — и причёска будет сделана, а это самое трудное.

— Наль, одиннадцать часов. Вы готовы? — раздался голос Николая. — Я жду вас завтракать. Выходите в халате, наденете платье потом.

Но Наль так боялась опоздать, что просила прислать ей кофе в комнату, говоря, что покажется мужу только на исходе двенадцатого часа, в полном параде.

Когда Дория вынесла из своей комнаты платье, над которым трудилась весь вечер и всё утро, подгоняя его точно по фигуре своей хозяйки, Наль даже руками всплеснула, видя великолепие этого туалета. Платье из белой парчи, с широким венецианским кружевом около ворота и рукавов, заставило её сказать:

— Отец, отец, разве можно так баловать дочь?

Когда платье было надето, Дория подала туфельки из такой же парчи, а на открытой шее Наль застегнула изумрудный фермуар жемчужного ожерелья.

— Это всё, вероятно, так положено. Но как бы я хотела сейчас самое скромное платье, самый бедный уголок — только бы не быть сегодня на людях и не слушать, как все будут говорить о моей красоте, — вздохнула Наль.

— Наль, если вы сейчас не выйдете, вы заставите нас обоих покраснеть перед отцом. Остаётся десять минут, — снова раздался голос Николая.

— Иду, я готова.

И, взяв быстро сунутый ей в руки маленький ридикюль с новым платком из точно такой же парчи, как платье, Наль вошла в свою комнату, где её ждал Николай. Он был поражён её видом. В платье со шлейфом, в туфлях на высоких каблуках, Наль казалась гораздо выше и тоньше обычного. Взгляд, которым обменялись супруги, сказал им обоим, что желание избавиться от людей в них было общим. Николай обнял свою жену, нежно и горячо поцеловал её и тихо сказал:

— Наша жизнь принадлежит не нам, Наль. Мы должны жить на земле, для земли, для людей. Не тяготись сегодня суетой и теми, кто будет вокруг нас. Думай не о себе, а о каждом из тех, с кем будешь говорить.

Наль ласково возвратила поцелуй и ответила:

— Я постараюсь, мой муж, думать о каждом, когда буду с ним говорить. Но всякий раз, когда я пристально вглядываюсь в человека, я всегда чувствую, что в каждом живёт беспокойство и страдание.

— Вот и неси, любимая, счастливая, благословляемая, успокоение и отдых тому, кто тебе встретился.

Раздались лёгкие шаги Флорентийца, и Наль поспешила раскрыть дверь, приветствуя отца.

— Я не хотела бы начать этот день, отец, с упрёка. Но мыслимо ли приказать мне надеть такое платье? Дория говорит, что у самой королевы нет ни такой парчи, ни таких кружев, ни такого жемчуга.

— Их послал тебе Али, как и все вещи, которые ты нашла в своих сундуках. Он собирал всё это не один год, — обнимая обоих супругов, говорил Флорентиец. — Сохрани это платье, кружева и драгоценности, и, когда поведёшь к венцу свою первую дочь, передай их ей. А теперь пойдёмте, наши свидетели ждут.

Спустившись в зелёную комнату, Наль была немало изумлена видом Сандры и лорда Мильдрей, во фраках, с блестящими цилиндрами в руках. Сандра был серьёзен и, даже кланяясь и целуя руку Наль, не улыбался. Можно было подумать, что его смешливость пропала за ночь. Лорд Мильдрей подал Наль букет белых лилий и, смущаясь, сказал:

— Лилии дарит вам Сандра, уверяя, что вам немисливо подарить иной цветок. Это — его дело. Я же прошу вас принять этот браслет, который мне дал, умирая, мой дед. Он был большой оригинал, жил отшельником, хотя был человеком богатым. Он велел мне передать эту вещь той женщине, которая станет мне женой. Или же той, чище и прекраснее которой я в жизни не встречал. Так как все сроки для создания семьи прошли — мне скоро будет тридцать лет, — я прошу вас принять эту вещь. Она, как я слышал, была передана моему деду одним восточным мудрецом.

И он подал Наль браслет из топазов и бриллиантов какой-то удивительной древней работы. Игра камней в нём поражала своей красотой.

— Говорят, что на этом браслете камни сложены так, что образуют слова. Но скольким лингвистам я его ни показывал — ни один не смог увидеть в камнях какой-либо надписи.

— Не разрешите ли вы мне взглянуть на браслет, графиня? Я лингвист и знаю около сорока языков и наречий, — сказал Сандра. — А не так давно, по заданию вашего отца, изучил древний язык пали, на котором давно уже никто не разговаривает. Быть может, я и разберу что-либо.

— Пожалуйста, — протянула ему драгоценность Наль.

— О, конечно, это он — язык пали. Здесь написано: «Любя, побеждай». И читается очень легко и ясно.

— Значит, ты выполнил моё задание раньше срока, Сандра?

— Неужели, лорд Бенедикт, вы могли сомневаться в том, что я найду возможность выполнить ваше приказание раньше срока? Мне пастор дал на этот раз свою собственную, им составленную грамматику и свой ключ, а сам он купил у одного странного человека несколько записей на этом языке.

— Я вас ещё не поблагодарила, лорд Мильдрей, но... это очень странно, но мне кажется, что вы ещё женитесь, женитесь любя и будете очень счастливы. И вам понадобится этот браслет.

— Примите подарок, Наль. Если вы угадали, мы сумеем прислать лорду Мильдрею точно такой же браслет, — сказал жене Николай, принося сердечную благодарность лорду за его внимание.

Наль впервые получила приказ своего мужа, и что-то сказало ей, что браслет надо немедленно надеть на руку и не огорчать подарившего его человека.

К дому были поданы экипажи. В закрытую карету сели молодые с отцом, в открытую — Сандра и лорд Мильдрей, а следом за ними двинулись ещё два двухместных пустых экипажа.

Церковь была залита огнями, пастор ждал молодых у входа, а обе дочери и мать усыпали путь Наль и Николая цветами. Музыка органа приветствовала их ещё на папер-

ти. Вскоре в церковь набилась целая толпа любопытных, привлечённых разговорами о необычайной красоте венчавшихся. Наль ничего не видела. Музыка потрясла её до слёз. Она крепко сжала руку мужа, точно прося его поддержки. Николай слегка наклонился к ней, и такая сила блеснула из его глаз, такой силой уверенности и любви повеяло на неё от его бледного, вдохновенного лица, что волнение её утихло, слёзы высохли и улыбка блеснула на полудетском прелестном лице.

Обряд венчания окончился. Все, кому было положено, расписались в ризнице в церковной книге и подождали несколько минут, давая пастору время переодеться. Выйдя из церкви, Флорентиец разместил по каретам Дженни, Сандру, Алису и лорда Мильдрей, пастора с женой, а сам сел снова с молодыми. Теперь все отправились к нотариусу.

Крупное пожертвование церковному причту и бедным прихожанам вызвало немало радостных толков у оставшейся на паперти толпы. Тем временем, подписав у нотариуса все необходимые документы ввода во владение новым имуществом и попутно приняв поздравления и восторги всей конторы, молодые и весь свадебный кортеж направились в дом лорда Бенедикта.

— А дядя? — войдя в дом, с ужасом спросила Наль.

Николай тоже было всполошился, но Флорентиец тихо сказал им обоим:

— У него снова был приступ малярии. Завтра мы его отправим с копиями документов и так ярко расскажем ему о пышном венчании, что он представит себе, будто и сам там был. Сейчас думай, Наль, только о гостях и учись быть обворожительной хозяйкой.

— Ты не находишь, что это немного трудно, отец?

— Нет, дочь моя, имея такого мужа, можно и не то победить.

Николай повёл свою жену в большой зал, который Наль ещё не видела, а Флорентиец, предложив руку пасторше, пригласил всех гостей следовать за молодыми. В зале было приготовлено шампанское. Николай шепнул Наль, чтобы она не пила, а только чокалась со всеми поздравляющими и подносила бокал к губам, делая вид, что пьёт. Поздравив молодых, все прошли в столовую. Место хозяина занял Флорентиец. По правую руку сели молодые, рядом с ними Сандра и Дженни, по левую руку — Алиса и лорд Мильдрей, а рядом с ними пасторская чета.

Обед проходил оживлённо. Сандра, Николай, пастор и Дженни говорили о последних достижениях науки. Пасторша и лорд Мильдрей оказались любителями живописи и театра. Только Алиса и Наль молча смотрели друг на друга.

— Что вы так смотрите на меня, графиня? Я вижу в ваших глазах такое сострадание и сочувствие, точно вы читаете что-то печальное в моей душе, — сказала наконец Алиса, ласково улыбаясь Наль.

— Я очень бы хотела стать для вас не графиней, а просто Наль. И в вашем сердце, кроме ангельской доброты, я ничего не прочитываю. Но мне кажется, что вы не так счастливы, как это выказываете.

Флорентиец посмотрел на обеих молодых женщин и сказал:

— Зачем загадывать, что будет завтра? Ты, Наль, стараешься угадать будущее Алисы. А тебе надо жить только радостным сегодня. Разве у вас есть печаль, Алиса, как утверждает моя бедовая дочь?

— Нет, лорд Бенедикт. Всё, что я люблю, живёт радостно вокруг меня. А если и есть у меня печаль, то она непоправима, потому что является частью жизни. Поэтому её нельзя считать печалью, это просто одно из неизбежных слагаемых моей жизни.

— Вы, Алиса, решили это слагаемое принять и не бороться с ним?

— Может быть, я и неправа, лорд Бенедикт. Но, например, что толку бороться со смертью? Её не избежишь. Так же и с неизбежными свойствами, которые живут в человеке. Какой смысл с ними бороться, если они составляют основу жизни и не могут быть выброшены — как рак или порок сердца — иначе как со смертью? Если изменить ничего невозможно, то надо принять жизнь такой, какая она есть для меня. Какое бы количество горечи ни было в жизни, всё же это жизнь моих любимых. А без них — жизнь не имеет для меня ценности.

— Все количества сил природы, Алиса, переходят в качества. Это неотвратимый закон мира, в котором мы живём. Если сегодня некое качество в сердце человека ограничено, то завтра оно может увеличиться. И если вчера это качество наполняло сердце лишь одного человека, то завтра оно может разлиться озером, а быть может, и морем вокруг него, захватывая в свой поток всё встречное. Так случается и с плохими, и с хорошими качествами людей.

Если сегодня любовь в сердце человека однобока и он может понимать счастье только в любви к «своим», то завтра — по тем или иным причинам — его сознание может расшириться, и он охватит своей любовью «чужих». Двигаясь дальше по пути совершенствования и знания, человек осознаёт, что нет вообще чужих и своих, а есть везде и всюду такие же люди, как и он сам. Один человек мог продвинуться дальше и выше. Другой мог намного отстать и остаться ещё в стадии двуногого животного. А третий мог так далеко шагнуть вперёд, что приходится зажмуриваться, чтобы на него посмотреть.

— Никогда ещё мне не приходилось слышать евангельских истин, изложенных так легко и просто, лорд Бенедикт.

У меня в душе будто посветлело, — улыбнулась Алиса, радостно, неотрывно глядя на Флорентийца.

— Возьмите, пожалуйста, это мороженое и посмотрите, какой художник мой повар. Он каждому положил на блюдо шарики семи цветов. Здесь присутствуют все цветовые символы мудрости, как они понимались в древности. Белый — цвет силы. Синий — символ самообладания и знания. Зелёный — цвет обаяния, такта, приспособления. Золотисто-жёлтый — цвет гармонии и искусств. Оранжево-дымчатый — цвет науки, техники и медицины. Красный — цвет любви, и, наконец, фиолетовый — цвет пути религиозной и духовной мудрости, а также науки и механики движения всей жизни Вселенной.

Попробуйте выбрать в себе какое-либо из этих качеств в чистом виде — это невозможно. Все они, без исключения, живут в каждом человеке. Но, будучи основным светом на его жизненном пути, они засорены эгоизмом, страстями ревности, зависти и страха. Божественные качества и свойства, которые человек в зародыше принёс на землю, оказались засорёнными страстями.

И задача культурного человека — очистить все свои страсти. Сделать их радостью и миром сердца и наполнить ими свой труд в буднях всей своей жизни. Тогда и отношения с теми, кого встречаешь, становятся не условностью быта, но красотой, бодрой помощью и энергией. Той энергией, которая пробуждает к творчеству всех, живущих рядом с тобой.

Весёлый смех и разговоры за столом стали постепенно смолкать, и гости внимательно прислушивались к речам Флорентийца.

— Какое счастье для меня, лорд Бенедикт, — сказал пастор, — что я познакомился с вами. Помимо того что я с восторгом и надеждой смотрю на две соединённые мною

сегодня жизни, я благословляю Создателя, давшего мне возможность приблизиться к вам. Если вы сочтёте возможным, чтобы вся моя семья осталась в числе ваших знакомых, мы постараемся заслужить себе название ваших друзей.

— Я не только буду этому рад, сэр Уодсворд, но и очень благодарен вам за встречу, — ответил пастору хозяин дома. Поверьте, если моя мудрость кажется вам столь высокой, то и я тоже нашёл, чему поучиться в мудрости вашей. В Индии говорят: «Никто тебе не друг, никто тебе не враг, но всякий человек тебе учитель».

Далее Флорентиец объявил:

— Обед окончен. Дорогие гости, прошу в зал, там сервирован кофе.

С этими словами он встал и подал Алисе руку. Алиса смотрела на него сияющими глазами, как на божество; он пригласил всех следовать за ними. Оставшись в последней паре, молодые муж и жена, тесно прижавшись друг к другу, обменялись несколькими взволнованными словами.

— Нет, Наль, для нас не может быть пустых дней. Мы здесь будем жить недолго, а потом поедem учиться, и для тебя начнётся студенческая жизнь. Здесь отец задержит нас ровно настолько, чтобы мы смогли усвоить все светские манеры и традиции, чтобы к этому вопросу больше не возвращаться, когда мы попадём в широкие слои общества. Кроме того, в твоём образовании есть немало пробелов. Ты совсем не знаешь музыки, хотя прелестно поёшь свои народные песни. Ты знаешь творчество Шекспира, Шиллера, Мольера, но никогда не была в театре. Готовясь быть — насколько для нас возможно — настоящими родителями-воспитателями, мы оба должны помогать друг другу взаимно совершенствоваться. Мы должны знать здешние порядки, чтобы понять, чего не следует вносить в нашу будущую жизнь.

Они присоединились ко всему обществу, когда все уже сидели за столом. Что-то царственное было в этой паре, входившей в зал. Если бы какой-либо художник захотел изобразить выход королевской четы, он не мог бы найти лучшего образца. Шёпот удивления и восторга пробежал среди гостей.

— Положительно, граф и графиня, вы в моём воображении не умещаетесь в земные рамки! — с южным темпераментом воскликнул Сандра. — Если бы я был художником, я изобразил бы землю покрывающейся цветами там, где вы ступаете.

— Мой новый друг, мне кажется, для меня слишком много чести уже в том, что вы произвели меня в принцессу-лилию. И мой муж, будучи мужем цветка, и я, уподобленная лилии, и так уже обязаны благоухать. Но чтобы ещё и цветы вырастали вокруг нас — это требование невысказанное, — смеялась Наль.

— А я думаю, что именно вокруг вас, Наль, и вашего мужа будут расти цветы. Самые высокие и драгоценные цветы земли — дети, из-за которых и для которых стоит жить на свете, — очень серьёзно, с волнением на прекрасном лице, сказала Алиса.

— О, Алиса! — укоризненно воскликнула пасторша.

— Что, дорогая мама? Я опять шокировала вас? Ну, на этот раз уж простите меня великодушно. Здесь мы среди таких добрых друзей, что, я ручаюсь, никто из них меня не осудит.

— Я испытываю большое желание низко поклониться вам, мисс Уодсворд, — сказал, вставая и действительно кланяясь ей, лорд Мильдрей, — но никак не осудить вас.

— А у меня такое страстное желание вас поцеловать, Алиса, что не исполнить его я не могу, — сказала Наль и, оставив руку мужа, подбежала к Алисе, обхватила её шею руками и прильнула к её губам.

Две женские фигуры, одна в царственной парче и жемчугах, другая в простом белом платье, одна темноволосая, зеленоглазая и высокая, другая — синеглазая, в ореоле светящихся золотыми блёстками кудрей, гораздо меньше ростом, обе тоненькие, чистые, прелестные на своей семнадцатой весне, составляли такой контраст, что даже Сандра умолк. Наль посадила Алису рядом с собой и мужем и подвинула ей чашечку с кофе.

— Жаль, что здесь нет некоторых из моих музыкально одарённых друзей, — сказал Николай. — Сердце так просит сейчас музыки.

— О, это легко поправимо, — снисходительно сказала Женни. — У нашей Алисы род музыкального помешательства. Не знаю, насколько она может доставить удовольствие людям понимающим. Но нам с мамой она достаточно часов жизни испортила, — смеясь и хитро посматривая вокруг, продолжала Женни.

— О, это было так давно, сестра, когда я тебе надоедала своей музыкой. Теперь моя комната и мой рояль в самом конце дома, где папа сделал специально для меня пристройку. Не верьте, сэр Бенедикт, что я такая несносная. Во всяком случае, сейчас я не решусь никого огорчать своей игрой, — умоляюще глядя на Флорентийца, сказала Алиса.

— Моя жена и старшая дочь не любят музыку, лорд Бенедикт. А мы с Алисой отдаём ей весь наш досуг. У меня в молодости был серьёзный конфликт с отцом, так как я мечтал посвятить себя искусству, а ему хотелось, чтобы я избрал духовный путь. Алиса унаследовала не только мою любовь к искусству. У неё большой музыкальный талант, который можно было бы развить в хорошей школе.

— Пока я жива — этого не будет, — чётко, жёстко и зло сказала пасторша. — От твоего и её пения — стёкла дрожат.

И вообще, я не желаю, чтобы Алиса срамилась сама и оскандалила нас в высшем обществе.

Пасторша вдруг стала походить на какую-то хищную лисицу. Ничего от прежнего добродушия в её лице не осталось. А пастор, печально глядя на дочь, медленно подошёл к ней, положил руку на её светящуюся головку и тихо сказал:

— Храни мир, дитя. У Бога есть много путей, какими Он призывает людей. Лорд Бенедикт говорил, что многие люди идут по пути совершенствования также и путём гармонии и искусств. Если Богу угодно будет дать тебе такой зов, ты найдёшь этот путь. И не смогут люди противостоять Богу.

— А я очень бы просил вас, леди Уодсворд, разрешить вашей дочери поиграть нам сегодня, — обратился хозяин дома к пасторше. — Если вы и ваша старшая дочь не любите музыки, то в моих гостиных вы найдёте много альбомов с видами всего мира. А также много интересных вещей, привезённых из путешествий. В моём саду немало редких цветов. Есть и оранжерея, где сейчас цветут незнакомые вам виды цветов. Судя по вашему прекрасному саду и цветникам, думаю, что вы любите цветы.

— Вы заблуждаетесь, лорд Бенедикт, — прервала Джени. — Это опять область одержимости папы и Алисы. Но Алиса — идол нашей семьи, мы её обожаем, а потому выносим, конечно, все её фантазии.

— Я бы очень не хотела, чтобы Алиса сегодня играла. Но если вы уж так хотите услышать её любительскую игру, — криво усмехнулась пасторша, — то пусть Сандра проводит нас в оранжерею. Там я по крайней мере не услышу ни её игры, ни пения.

На лице Сандры выразилось такое явное разочарование, что Флорентиец с юмором в глазах как-то особенно улыбнулся и что-то ему тихо сказал, чего не расслышал даже Николай, обладавший тончайшим слухом и стояв-

ший рядом с Сандрой. Сандра незаметно вздохнул, крепко пожал Флорентийцу руку и сказал дамам, что постарается увести их так далеко в сад, чтобы ни бас пастора, ни сопрано дочери, ни тенор хозяина дома до них не долетели. Услышав о теноре хозяина дома, дамы, казалось, несколько поколебались в своём желании уйти, но было уже поздно. Флорентиец указал Сандре путь в оранжерею и попросил, чтобы обратно он провёл дам через левое крыльцо дома прямо в жёлтую гостиную, где занял бы их альбомами или картинами. Хозяин сам проводил дам через балкон в сад, закрыл обе двери балкона и задернул плотную портьеру.

— Я очень смущаюсь, папа, — прильнув к отцу, сказала Алиса.

— Полно, дитя. Ты ведь знаешь, что стоит тебе прикоснуться к клавишам — и в тебе просыпается Бог, и ты забываешь обо всём. Играй и пой как всегда. Не думай о похвале или награде. Думай, какое выпало тебе счастье сегодня — воспеть перед Богом соединение двух прекрасных людей, любя их и желая усеять для них землю цветами, как сказал Сандра. Играй и пой для них песнь торжествующей любви. Не всем дано петь свою песнь любви. Кто-то должен петь её для других людей, неся в сердце великий путь милосердного самоотвержения.

В чудесных глазах пастора сверкнула влага слёз — и все поняли, почему у него седые волосы при таком молодом лице. Трагедия этих двух сердец вдруг ясно раскрылась перед духовным взором многих присутствующих. На лице Наль мелькнула боль, лорд Мильдрей, отвернувшись, незаметно смахнул слезу. И только на лицах Флорентийца и Николая лежала твёрдость полного спокойствия, мира и огромной доброты. Точно лучи света метнулись от Флорентийца к Алисе и пастору. Девушка робко подошла к роялю, открыла крышку и сказала:

— Я, конечно, не профессиональная музыкантша. Не ожидайте от меня многого. Но я и не полная невежда, так как у меня было два замечательных учителя. Один — мой отец, а второй — его недавно умерший друг, который был известен во всей Европе как пианист и композитор. Я сыграв Шопена.

Все ждали от девушки многого. Но того, что произошло, не ждал никто. Хрупкая фигурка, детская головка — всё исчезло, лишь только Алиса коснулась клавиш. Все перестали даже смотреть на Алису, всех унёс вихрь звуков. И разве это были звуки одного рояля? Пастор был прав. Бог проснулся в Алисе. И не руки её исполняли музыкальную пьесу, но сердце её творило жизнь, чарующую, захватывающую, раскрывающую что-то новое в душе каждого из слушателей.

Наль плакала. Лорд Мильдрей не дыша следил за музыкантшей, вытянувшись в струну. Пастор сиял счастьем, точно молился. Николай, устремив взор на Алису как зачарованный, отвечал сменяющимся выражением своего лица на все краски её игры, а в фигуре Флорентийца, в его серьёзном лице было что-то, напоминавшее жреца.

— Ещё, ещё! — молила Наль, когда Алиса остановилась.

Алиса стала играть Бетховена, Генделя, Шумана. И все кричали ненасытное: «Ещё!»

Вдруг Алиса улыбнулась и запела старинную английскую песню. И снова поразила всех. Высокое сопрано, тёплое, нежное, прелестного тембра, звучало с такой силой, о какой и думать было невозможно, глядя на это хрупкое дитя. Погрузив всех за собой в какой-то высший мир, девушка сказала:

— Теперь, папа, дуэт. Или я прекращаю.

Под общим напором просьб пастор подошёл к роялю. Дочь начала дуэт, но когда вступил отец, то невольное «ах»

вырывалось у всех. Тихий, спокойный пастор внёс в свою партию такой бурный темперамент, такое виртуозное артистическое исполнение, которых от него никто не ждал. Его исключительной мощи и красоты бас не заглушал голос дочери, а служил ему основой.

— Я никогда, ни в одной опере не слышал такого исполнения, — тихо сказал лорд Мильдрей, — а я был во всех театрах Европы.

— Отец, — бросилась Наль на шею Флорентийцу, — неужели ты не споёшь мне и моему мужу сегодня, чтобы напутствовать нас твоей песней и завершить ею наш венчальный обряд?

Флорентиец встал, поговорил с Алисой и пастором, и зазвучал старинный итальянский дуэт. Что было особенного в голосе и пении Флорентийца? Ведь только что всем казалось, что великая музыка, выше всех философий, лилась в песнях отца и дочери. Сейчас же звенела мощь баритонального тенора, для которого не было ни предела высоты, ни предела власти и силы звука. Он превосходил всё человеческое, земное и открывал небесные сферы, звал в иные миры, убирал все телесные преграды, точно касался самого сердца.

Опомнившись от изумления, во внезапно наступившем молчании присутствующие увидели Алису на коленях перед Флорентийцем, рыдающую, уткнув лицо в его чудесные руки. Подняв девушку, отерев нежно своим платком её глаза, он обнял вместе отца и дочь и сказал обоим:

— Хотите ли вы оба, чтобы я стал вам Учителем?

— О, Господи, я отвечаю за себя и за дочь. О таком счастье, как быть руководимыми вами, мы и не мечтали.

— Алисе надо самой за себя ответить.

— Лорд Бенедикт, я хочу учиться жить, идя за вами, не только учиться у вас музыке.

— Отец, — бросилась и Наль к Флорентийцу, — я должна подарить что-то Алисе, я не могу не признать её сестрой, потому что она подготовила меня к твоему пению. Иначе я бы умерла.

— Прошу всех за мною, — сказал хозяин. Он взял под руки Алису и Наль и провёл всех в свой зелёный кабинет. Там он подвёл гостей к небольшому столу, где лежало несколько футляров. Он взял один из них, вынул оттуда золотой пояс, в который были вправлены крупные изумруды, и надел его на талию Алисы.

— Пояс дарит вам, своей подружке, Наль. А это мой вам подарок. — И на шее Алисы засверкал изумрудный крест, осыпанный мелкими бриллиантами.

— Это, дорогой сэр Уодсворд, прошу вас принять от моей дочери, — и он подал пастору золотые часы на такой же цепочке, — а перстень примите от меня, — сказал он, надевая пастору крупный изумруд с бриллиантом на мизинец левой руки.

— Вас, лорд Мильдрей, я прошу принять этот браслет от меня, в обмен на тот, который вы подарили моей дочери. Разница в том, что здесь зелёные камни, а в том браслете — топазы. Я не сомневаюсь, что вы уже поняли: самое чудесное в вашей жизни ещё впереди. А это кольцо просит вас принять моя дочь. — И на мизинце лорда Мильдрея засверкало такое же кольцо, как у пастора.

— Это ещё не всё, Алиса. Мой зять просит вас принять в память о сегодняшней музыке это жемчужное ожерелье, и он сам наденет его вам.

К смущённой Алисе подошёл Николай и ловко застегнул на ней точно такое же жемчужное ожерелье, какое было на Наль.

— Теперь надо звать наших дам, — сказал Флорентиец, — не переносящих музыки, а также их кавалера, ли-

шившегося её. Но я надеюсь, Алиса, вы не откажетесь его, беднягу, вознаградить в дальнейшем — вы споёте и сыграете ему?

— Я ваша ученица, лорд Бенедикт, как прикажете, так я и поступлю. Только... — Она замялась, взглянула на опустившего глаза отца и много тише, печально продолжала: — Это всегда вызывает ревность Дженни и раздражает маму, когда я играю Сандре.

— Мы постараемся избежать этих несносных слагаемых, — рассмеялся Флорентиец и вышел из комнаты за своими отсутствующими гостями.

Лица дам, когда они вошли в комнату, были довольно кислы, и стали ещё кислее, когда они увидели одарённых драгоценностями Алису и пастора. Флорентиец, взяв со стола самый большой футляр и открыв его, подошёл к пасторше и подал ей чудесное ожерелье из опалов и бриллиантов, такие же серьги и брошь.

— Примите этот дар от моей дочери, — кланяясь ей, сказал хозяин.

— Но это царский подарок. Как мне вас отблагодарить, лорд Бенедикт?

— Я здесь ни при чем. Это дарит вам моя дочь, — чрезвычайно любезно, но холодно ответил хозяин.

Пасторша подошла к Наль, рассыпаясь в благодарности и уверяя, что опалы её любимые камни. Наль любезно помогла ей надеть драгоценности. Флорентиец тем временем подал Дженни такой же золотой пояс, как у Алисы, только из сапфиров, от лица дочери, и от себя брошь из жемчуга и бриллиантов. Дженни сияла не меньше матери, но огонь зависти блеснул в её глазах, когда она увидела на шее сестры драгоценный жемчуг.

— Ну, Сандра, остался ты один. Вот тебе часы от Наль, о которых ты мечтал.

— Неужели с боем? — по-детски наивно и радостно вскрикнул Сандра, чем всех насмешил.

Флорентиец нажал пружину, и часы пробили восемь ударов таким приятным звоном, что Сандра не выдержал, подпрыгнул, перевернулся и поцеловал часы. Наль хохотала, Алиса аплодировала Сандре за его гимнастические кульбиты, пастор сел в кресло от смеха — только Дженни и её мамаша чувствовали себя шокированными вторично в течение вечера.

— Это ещё не всё, Сандра. Вот тебе кольцо от меня. А это, — он взял точно такой же крест, какой раньше надел Алисе, — это тебе за усердие во всех заданиях, которые я тебе давал. И особенно — за язык пали. — И Флорентиец собственноручно надел ему крест с цепочкой на шею.

Сандра, казалось, всё забыл. Лицо его совершенно изменилось. Он стал серьёзным, тихим, точно сразу старше. Он прильнул к Флорентийцу, горячо целовал его руки и говорил:

— Я буду стараться быть достойным вашего доверия.

— Не волнуйся, сын мой. Только не спеши давать повод людям для неверных заключений. Будь осторожен с женщинами. Ты прост и дружелюбен, но твоё товарищеское отношение к ним может быть истолковано иначе, и это может вовлечь тебя в какую-нибудь инсинуацию.

— Ваши слова, лорд Бенедикт, как всегда, будут мне законом.

— Ваши часы, лорд Уодсворд, с таким же боем, как у Сандры. Позвольте, я покажу вам, как нажимать в них пружину.

Флорентиец нажал пружину часов пастора, и они пробили восемь ударов и затем — совсем иным звуком — ударили ещё один раз.

— Ой, и четверти выбивают! — не удержался от восторженного восклицания Сандра, снова по-детски радуясь, чем опять вызвал смех.

В лицах пасторши и Дженни, стоявших друг напротив друга, рыжих, черноглазых и чернобровых, сейчас мелькало что-то неприятное, отталкивающее. На лице пасторши проступили багровые пятна, лишив её молоджавости. А Дженни, казавшаяся такой красивой за обедом, сейчас стояла хмурая, злая, надменная, с выражением презрения ко всему и всем в этой комнате, где её, девушку из небогатой семьи, сейчас так по-царски одарили.

— Друг мой Алиса, — раздался голос Флорентийца. — Сегодня мой зять преподнёс тебе жемчуг за тот восторг, который ты доставила ему и всем нам своей музыкой. С согласия твоего отца я взял тебя в ученицы. Ежедневно, в двенадцать часов, я буду посылать за тобой экипаж. И здесь, у меня, ты будешь проводить время до вечера. Вечером твой отец будет приезжать за тобой, и после обеда вместе с ним ты будешь возвращаться домой. В память о нашей первой музыкальной встрече прими этот браслет и кольцо от меня. Завтра жди лошадей в двенадцать часов. — И он подал Алисе браслет и кольцо из таких же изумрудов, как её пояс.

— Вроде бы, лорд Бенедикт, у Алисы есть мать, которая тоже имеет право голоса в решении судьбы дочери, — резко сказала пасторша. — Алиса нужна мне дома. Учиться ей уже довольно.

— Нет, леди Уодсворд. По английским законам, дочь зависит только от отца, если у матери нет её личного капитала. Это законы юридические, и у вас нет права решать судьбу дочери. Есть ещё и иные, божеские законы, нигде, кроме сердца человеческого, не записанные. Это — любовь матери. Но ваша любовь заключалась в том, что вы изгнали дочь с её искусством в бывший сарай, где и сейчас холодно и сыро. Вы заставляете Алису обшивать себя и старшую дочь, печь вам кексы и убирать ваши комоды и шкафы, а сами лежите

весь день с романом на диване или разъезжаете со старшей дочерью по гостям и театрам.

— Я всегда знала, что этот змеёныш осрамит меня. Эта лживая, избалованная отцом девчонка ввела вас своими жалобами в заблуждение, лорд Бенедикт.

— О, мама, как могли вы подумать, что я кому-нибудь могла бы сказать хоть часть из того, что сказал вам сейчас лорд Бенедикт. — И слёзы ручьем потекли из глаз Алисы.

— Ну, значит, твой идеальный отец, обожаемый пастор, оказался на самом деле лицемером и сплетником, — шипя от бешенства, продолжала пасторша.

Взгляд Флорентийца, брошенный на неё, укротил её, точно взбесившуюся львицу. По-видимому, она потеряла всякое понимание границ приличия и готова была вылить не один ушат грязи на невинную голову пастора, но не смела или не могла больше выговорить ни слова. Изменяющаяся ежеминутно игра камней на её шее была ничто в сравнении с её горящими глазами, которые буквально сыпали вокруг себя искры. Наль, никогда не выдавшая такой силы злобы в женщине, боязливо прижималась к мужу, как бы ища защиты от изливавшегося зла.

Пастор подошёл к Алисе, стараясь её успокоить своей лаской, и подвёл её к Флорентийцу попроситься.

— Простите нас, добрый лорд Бенедикт, за эту безобразную сцену, которую мы заставили вас пережить. Я был, есть и буду, вероятно, неисправимым мечтателем. Я ведь ещё и сегодня надеялся, что мои жена и старшая дочь в общении с вами поймут свои ошибки, которые я тщетно старался победить своей любовью в течение всей жизни. Я не победил, лорд Бенедикт. Но, венчая сегодня вашу дочь, я смотрел на ваше необыкновенное лицо. Я думал, что ваше духовное влияние и обаяние, перед которыми никто не может устоять, победят Катарину и Дженни.

Я надеялся, что они встретили наконец ту великую нравственную силу, перед которой склонятся.

Дженни издала дерзкий смешок, который внезапно оборвался. Она поперхнулась собственной слюной и сильно закашлялась.

— Не беспокойтесь ни о чём, сэр Уодсворд, — ответил Флорентиец. — Завтра, когда вы приедете за Алисой, я буду иметь возможность поговорить с вами обо всём. У подъезда вы найдёте двухместный экипаж, и в нём вы уедете домой с Алисой. В большой карете Сандра и лорд Мильдрей проведут вашу жену и Дженни. До свиданья, леди Катарина и мисс Дженни. Вы ни одним словом не огорчите Сандру по дороге. Кроме того, я приказываю вам... — он поднял руку, протянул её по направлению к обеим женщинам и как бы опустил её на их головы, что при огромном росте Флорентийца, когда все казались маленькими и мелкими рядом с ним, произвело на всех впечатление непреложного приказа, а леди Катарина и Дженни точно присели под магическим действием этой руки. — Я приказываю вам не мешать жить Алисе и пастору дома. Вы превратили их собственный дом в тюрьму, зная, что дед по завещанию оставил дом, где вы живёте, Алисе. Зная, что она в этом доме госпожа, вы превратили её в прислужницу. Теперь вы обе будете трудиться для отца и для Алисы, как они до сих пор трудились для вас. И ни одной ссоры до самой смерти пастора чтобы не было в вашем доме. Идите и помните о том, что я вам сейчас сказал, или в вашей жизни случится непоправимое, вами же самими взращённое зло, в котором ни я, ни кто другой уже не сможет вам помочь. Помните, вы должны трудиться — или зло завладеет вами.

В сопровождении двух спутников, ни с кем не простившись, но крепко прижимая к себе футляры, точно они боялись, что хозяин передумает и отнимет у них подаренные

драгоценности, обе женщины вышли из комнаты. Глаза их горели ненавистью, когда они посмотрели на Наль, пожелавшую им доброй ночи. На Флорентийца и Николая они смотреть боялись. Но ещё раз почувствовали на себе взгляд Флорентийца и ещё раз словно съёжились перед самым порогом комнаты.

Вернувшись домой первыми, пастор и Алиса прошли в свои комнаты и горячо обнялись.

— Мы нашли, Алиса, то, что всю жизнь искали. Теперь я умру спокойно.

— О нет, я гораздо больше эгоистка, чем ты думаешь, папа. Я хочу не только сама быть счастливой на новом пути, но и наслаждаться ещё долго и твоим счастьем на нём.

Утомлённые тяжёлыми и многообразными переживаниями, но счастливые своей новой встречей, оба они быстро и легко заснули, даже не слышав, как вернулись их родные.

Глава 2

О ЧЁМ МОЛИЛСЯ ПАСТОР. ВОСПОМИНАНИЯ ДЖЕННИ

Дни Наль и Николая текли легко, разнообразно и радостно. К завтраку, в двенадцать с половиной часов, приезжала Алиса, а до этого юная пара успевала осмотреть в Лондоне то, что с вечера назначал им отец. Обычно только за завтраком молодожёны в первый раз встречались с Флорентийцем. Они всё более и более привязывались к нему и не противились могучему очарованию своего великого друга.

После завтрака Алиса, Наль и Николай проводили час-другой с Флорентийцем, который руководил их обучением. Затем Алиса давала Наль уроки музыки, в чём последняя выказывала немалые способности. Расставшись после урока, каждая занималась далее своими делами. И до традиционного чая, подававшегося в пять часов, в доме царила полная тишина. Только в большом зале время от времени раздавались звуки рояля, затем опять наступала тишина. Это училась и обдумывала свои музыкальные произведения Алиса.

Николай, если только не занимался в библиотеке или не выезжал куда-нибудь с Флорентийцем, работал рядом с ним. К чаю все снова собирались вместе, и до обеда молодые люди гуляли, ездили верхом или отдыхали иначе, по своему вкусу. К обеду приезжал пастор и, посидев часок в кабинете Флорентийца, увозил дочь домой.

Среди кажущегося внешнего однообразия жизни целый новый мир открывался и молодым, и пожилым гостям Флорентийца. По настоянию хозяина Сандра и лорд Мильдрей стали обычными гостями за обедом, соединяясь в одну крепкую и дружную семью со всеми обитателями дома.

Под скромной внешностью пастора кроме недюжинного музыкального таланта скрывались ещё ум и огромная образованность учёного, и он часто поражал экспансивного индуса своими познаниями и памятью настолько, что от восторга тот вскакивал, потрясал руками и топал ногами. Под укоризненным взглядом лорда Мильдрея, немало насмешив всех друзей своими кульбитами, Сандра утихал, конфузливо взглядывал на Флорентийца и, сложив руки, уморительно, с детским отчаянием говорил:

— Больше не буду, лорд Мильдрей, вот уж наверняка в последний раз я проштрафился. Никогда больше не буду. — И заставлял Наль и Алису смеяться.

— Если бы я мог завидовать, граф Николай, я бы всему завидовал в вас. В вашем спокойствии, элегантной, немного военной манере ходить и держаться, есть особый аристократизм, которого я не замечал в других людях. Но что ещё отличает вас от других, — я не знаю. Могу сказать только, что вы принадлежите не к тому миру, в котором живём мы все, но к миру лорда Бенедикта.

— Долго ли ты, оксфордский мудрец, будешь величать Николая графом? Я нахожу, что вам всем пора уже бросить

сиятельные титулы и звать друг друга по именам. Все вы — мои дети.

— И всё же это правда, лорд Бенедикт, что Николай, — как вы приказываете его звать, — имеет какие-то особые качества, — вмешался пастор. — И если все мы ваши дети, то он из нас старший и больше прочих походит на отца.

— Благодарю, друзья, за высокое мнение обо мне. Но право, это ваша детская фантазия. Я просто более выдержан и спокоен. Расстояние между мною и отцом ровно такое же, как между ним и вами. Нам лучше бы сегодня пораньше разойтись. Я вижу, что дорогой пастор сильно утомлён, — закончил Николай.

На побледневшем лице Алисы мелькнула тревога:

— Я вообще замечаю, что папа худеет. Он болен, но не хочет в этом признаться. Я пожалею вам, лорд Бенедикт, на папу. Когда мне случается врасплох застать его, — он так погружён в свои мысли, что даже не сразу видит меня и не сразу понимает, о чём я ему говорю. И вид у него какой-то нездешний. Если бы мама увидела его в таком состоянии, она, наверное, решила бы, что папа беседует с ангелами, ведь она не раз уверяла нас всех, что отец временами впадает в безумие. С некоторых пор папа пугает меня чем-то новым, какой-то оторванностью, отрешённостью от земли, — говорила девушка, опускаясь на колени перед своим отцом.

Пастор ласково обнял дочь, заставил её сесть рядом. На его добром лице сейчас сияла улыбка, а глаза точно благословляли дочь.

— Нам с тобой не следует беспокоить лорда Бенедикта, дитя. Люди не могут жить вечно. В первый же вечер знакомства с нашим великодушным хозяином я сказал тебе: «Мы с тобой нашли наконец верный путь, и я могу умереть спокойно».

— Папа, папа, не разрывайте мне сердце. На кого же вы покинете меня? Зачем вы меня пугаете?

— Я старался взрастить в тебе сильную душу. В тебе одной я не ошибся. Ты знаешь мою верность Богу, ты знаешь, что нет смерти. Я уйду в вечную жизнь, и ничего страшного в этом нет. Если бы я в последний миг земной жизни не встретил счастья в лице лорда Бенедикта и не мог быть спокойным за то, что зло не окружит тебя, — я бы действительно не сумел уйти так, как подобает верному сыну Отца. Теперь же я знаю, что ты останешься под высокой защитой и зло не коснётся тебя.

— О папа, папа, не покидайте меня, — зарыдала Алиса. — Я ещё ничем не отплатила за ваши заботы, радость, любовь. За чудесную жизнь, что вы создали мне. Я не вынесу разлуки, я уйду за вами.

По знаку хозяина все гости вышли из комнаты. Лорд Мильдрей увёз расстроенного Сандру к себе, а Николай увёл плачущую Наль. Оставшись наедине с отцом и дочерью, Флорентиец подал обоим рюмки с лекарством. Вскоре лицо пастора стало бодрым и свежим. Рыдания Алисы тоже утихли, хотя её глаза-сапфиры по-прежнему сохраняли скорбное выражение.

Когда оба гостя совершенно успокоились. Флорентиец взял их за руки и сказал:

— Жизнь даёт людям зов в самой разной форме. Нередко её призыв выражается в преждевременной смерти. Чаше — в Голгофе страданий. Иногда в человеке, прошедшем свою Голгофу, умирают его прежние качества, и он продолжает жить новой жизнью, как бы жизнью после смерти, поскольку всё низшее и личное, что держало его в плену, все страсти и желания — всё в нём умерло, освободило его дух. И сохранилась только его прежняя внешняя форма, наполненная новым, очищенным духом, чтобы через неё могла проходить в мир суеты и греха высшая любовь.

Есть такие места на земле — тяжёлые, плотные и зловонные из-за своей моральной атмосферы, наполненной страстями, скорбью, злом, — куда люди высокого духовного развития, очистившиеся от страстей, уже проникать не могут. Но и там нужны самоотверженные, усовершенствовавшие свою личность души-проводники, через которые можно было бы помогать людям, гибнущим среди зла.

Флорентиец ввёл отца и дочь в свою тайную комнату.

— Господи, второй раз я здесь, и второй раз точно перед престолом Божиим, — прошептал пастор.

— И вы не ошибились, друг. Вы действительно перед престолом Божиим.

С этими словами Флорентиец откинул крышку белого стола, и взорам обоих предстал мраморный жертвенник, на котором стояла высокая зелёная чаша, как бы вырезанная из цельного изумруда. Подведя потрясённых своих друзей к жертвеннику, Флорентиец встал за ними, положил им руки на головы и сказал:

— Вы видите перед собой Огонь нетленной Жизни. В Нём — все силы земли. Им земная жизнь держится. Им всё живое вдохновляется к творчеству. Это огонь сферы земли, вложенный в каждого человека.

Огонь этот и Свет солнца — два Начала жизни земли, плоти и духа, неразрывно связанных. С окончанием земной жизни человека огонь меняет форму. И меняет в зависимости от того, как именно Свет солнца был вплетён в путь человека им самим.

Нет ни одного животного, в котором было бы два Начала. Любое из них несёт в себе только этот огонь земной сферы. И существуют миллионы людей, в которых огонь земли развит до высоких и даже высочайших степеней, а Свет солнца тлеет едва заметной искрой. Такие люди владеют большими знаниями сил природы, даже могут

ими управлять, но в них не горит Свет солнца, Свет любви и доброты.

Они преданы тьме эгоизма, и горят в них только страсти и желания, только сила и упорство воли. Их тёмная сила во всё вносит дисгармонию и раздражение. Их девиз — «Властвуя, побеждай», тогда как девиз детей Света — «Любя, побеждай». Упорство их воли — меч того зла, в запутанные сети которого они затягивают всякого, в ком находят возможность пробудить жажду славы и богатства. На эти два жалких крючка условных и временных благ и попадают те бедные люди, из которых они делают себе слуг и рабов. Сначала их балуют, предлагают мнимую свободу, а затем закрепощают, соблазнив собственностью, ценностями, и так погружают в разнузданность страстей, что несчастные и хотели бы освободиться, да у них уже нет сил вырваться из цепких лап.

Если сердца ваши готовы служить светлому человечеству, если вы хотите принять девизом жизни «Любя, побеждай», если в вас горит желание приносить любовь и помощь высших братьев тем скорбящим сердцам, которые ещё не безнадежно утонули во зле, — я буду давать вам указания, как и где вам действовать в ваших трудовых буднях.

Не о смерти думайте, но о жизни, идущей вокруг вас сейчас. Ищите не молитвы о будущем, но радостной любви, чтобы каждое текущее мгновение было насыщено добротой вашего сердца.

— Я хочу жить так, как призываете вы, — сказала Алиса.

— Все оставшиеся мне мгновения жизни на земле я хочу служить Отцу моему, как пытался я делать это до сих пор, — промолвил пастор. — В вас я вижу ту великую встречу, того наставника на земле, о котором всегда мечтал, и благодарю моего Создателя, пославшего мне её.

Отец, а за ним дочь склонились перед жертвенником, вознося к небу свои молчаливые молитвы. Их лица были так

спокойны, будто они никогда не знали страдания. Флорентиец поднял их, благословил и обнял каждого. Он простился с ними до завтра, наказав им сохранять в полной тайне свой новый путь любви и труда.

Возвратившись и, по обыкновению, не встретив никого из домашних, отец и дочь, посидев немного вместе, разошлись по своим комнатам. Переполненное сердце каждого, несмотря на теснейшую взаимную дружбу, жаждало одиночества.

Алиса, углубившись в книгу, данную ей Флорентийцем, скоро забыла обо всём. Душа её нашла новый мир, и она легла спать, в первый раз в своей юной жизни обретя полное спокойствие, примирение и радость, не омрачённые повседневной скорбью о семейном разладе.

Пастор, открыв своё окно, выходившее в благоухающий сад, долго смотрел на звёздное небо, но спокойствия на его лице не было. Казалось, он вновь обдумывал всю свою жизнь. Он вспоминал о первой встрече со своей женой в Венеции. Леди Катарине было тогда восемнадцать лет, а ему двадцать один. Он и не помышлял о том, что уедет из Венеции женатым человеком, бросив карьеру певца, которую начал так блестяще. И первые встречи с будущей женой даже не произвели на него большого впечатления. Леди Катарина была тогда очень красива, жила у своей подруги, дочери высокопоставленного и знатного синьора. Происходя из родовитой, но обедневшей семьи, жившей в глухой провинции, леди Катарина стала жертвой неудачной любовной истории, должна была спешить с замужеством и дала себе слово выйти замуж за первого же подходящего иностранца, с которым встретится, чтобы уехать с ним из Италии. И подходящим для себя сочла лорда Уодсворда.

Выведав у простодушного англичанина всю его подноготную, поняв, что его можно взять только добротой и лю-

бовью, леди Катарина так играла роль безнадежно в него влюбленной, что бедный лорд попался на крючок и, сочувствуя ей, незаметно для себя полюбил бедную девушку, навек отдав ей сердце.

Не сразу удалось ему уговорить отца и получить разрешение на этот брак. Упрямый старик дал своё согласие на брак с тем условием, что младший его сын станет пастором. За это он обещал ему оставить в наследство дом в Лондоне, тот самый, где и жила до сих пор семья пастора, со всей обстановкой и садом. Но с условием, что дом будет принадлежать младшей дочери. Фамильные драгоценности бабушки тоже предназначались ему, любимцу. Но бабушка умерла внезапно, не оставив завещания. На словах она успела передать сыну свою волю касательно младшего внука, велев передать ему небольшую сумму денег и все бриллианты. Пастор разделил это наследство по своему усмотрению. Старшей дочери завещал деньги, младшей — дом и драгоценности.

Молодой лорд, поведавший девушке свои мечты об артистической карьере, рассказавший о своей любви к музыке, был очень удивлён, когда она принялась уговаривать его послушаться отца, сделаться пастором и немедленно на ней жениться. Никакие доводы логики не действовали. Девушка не верила в его артистические таланты, столь одобряемые профессорами. Не верила она и его способностям к науке и боялась стать женой ничем не обеспеченного певца или ещё менее обеспеченного учёного. Дом же в Лондоне, предлагаемый немедленно за согласие стать пастором, казался ей уже кое-чем, а деньги и бриллианты для неё были надёжнее славы певца или лавров учёного.

Её настойчивые уговоры перешли в бурные мольбы о спасении, и последовали такие сцены, что бедный юноша, принеся в жертву свои мечты, повёл к алтарю девушку,

которую — как она говорила ему теперь, — он шокировал и компрометировал своим поведением.

«Чем была вся моя семейная жизнь?» — думал в ночном безмолвии пастор.

Для него каждый прожитый день являл собой ряд внутренних катастроф.

Неряшливая и жадная итальянка с дурными манерами трудно поддавалась элементарному внутреннему и внешнему воспитанию. И только окончательное его решение, твёрдое как скала, стоившее немалого количества истерик и сцен, заставило леди Катарину образумиться и усвоить внешние требования, предъявляемые английским обществом к женщине её круга. Пастор объявил категорически, что до тех пор, пока она не научится вести дом и хозяйство и держать себя, как подобает английской леди, она не будет представлена ни его отцу, ни старшему брату, не будет введена в их семью, а следовательно, лишится того высшего общества, которого так жаждет.

Целый год прошёл в напряжённой борьбе. Дочь родилась преждевременно, на голове пастора появились первые седые волосы, и вот наконец налёт богемы, неизвестно как и где приобретённый, благодаря огромным усилиям воли и добrote мужа сошёл с леди Катарины. Постепенно вводимая мужем в общество, она усвоила внешний аристократизм, оставаясь, по сути, мелкой и жадной мешанкой.

Пользуясь своей красотой, пасторша легко завладевала сердцами, но прочной дружбой ни с кем похвастаться не могла. Какие горькие минуты переживал пастор, возвращаясь в свой тихий дом из богатых покоев отца и брата! Леди Катарина, ослеплённая блеском роскоши, только и говорила, что о слабом здоровье его брата, об отсутствии у него наследников и об их блестящем будущем после смерти брата, когда её муж станет единственным наследником всех его богатств.

Вспомнилось пастору и рождение его младшей дочери. Насмешки матери сыпались на голову бедной крошки, сильные отцовские глаза и кудрявые белокурые волосы которой раздражали её. Так и росла бедная Алиса, видя, как мать всегда и во всём предпочитала старшую сестру. Но кроткий ребёнок, восхищавшийся и матерью, и сестрой, не только принимал как должное своё положение Золушки. Доброе, не знавшее зависти сердце искало любой возможности служить обеим. И девочка всегда была эксплуатируема, часто в ущерб своему здоровью. Пришлось пастору и здесь наложить вето, с которым уже была хорошо знакома его жена. Вот об этом-то и думал сейчас пастор, стараясь отдать себе отчёт, насколько виновен он перед Богом и собой в своей нескладной жизни. Он поднялся, закрыл окно и опустился на колени перед аналоем, на котором лежало Евангелие.

— Господи, виновен человек во всей своей жизни, и только он один виновен. Знаю — скоро отойду. И молитва моя к Тебе: «Ныне отпускаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему с миром». Я слишком поздно понял, что главное условие всей жизни, всюду, не только в семье — мир сердца. Я старался нести его всем. Но в семье своей поселить его не сумел. Проходя свой день, я стремился принести всем встречным бодрость. Я стремился ободрить и утешить каждого. Я хотел, чтобы вошедший ко мне одиноким — ушёл радостным, ибо понял, что у него есть друг.

Но в своей собственной семье, при всей силе доброты я не достиг не только гармонии, но даже чистоты. Господи, я понял всё страдание земли своим разбитым сердцем. И я его принял и благословил. Защити Ты дитя моё величием Твоей благой любви. Ибо моё сердце не выдерживает более двойственности и не может больше биться, пребывая в компромиссе.

Я знаю единый путь человека на земле — путь самоотверженной преданности Тебе. Но радость этого пути, отравляемая ежедневной ложью и лицемерием в семье, не ввела меня в число слуг Твоих, на которых лежит отражение Тебя.

Ныне, у божественного огня, я понял, увидел новый путь любви. Я знаю, что срок мой настал, я ухожу с земли, — прими меня с миром и не оставь дитя моё беззащитным.

Лицо пастора посветлело. Перед ним ярко и ясно стоял образ Флорентийца, и уверенность в его помощи крепла в нём, на сердце становилось легко и спокойно. Вся нечисто прожитая семейная жизнь перестала его тревожить. Это было уже прошедшее, далёкое и чуждое. Точно не он, теперешний пастор, прожил эту жизнь; не он боролся, чтобы понять и исполнить свой путь, как путь утешителя каждому встреченному на земле, а иной человек, о котором он сам теперь сохранил только воспоминание.

Мелькнувшая молодость, занятия наукой, музыкой, любимая дочь, цветущая природа — всё показалось ему одним мгновением. Отрешённость, долго жившая в его сердце как мучительное страдание, стала вдруг радостью раскрепощения. Дух его ничто больше не тяготило. Он понял, что жизнь — это одно мгновение Вечности; земная жизнь человека завершается тогда, когда истощается его творческая сила, и земля, как место труда и борьбы, ему более не нужна. Можно умереть молодым, и только потому, что в данных земных условиях ни сердце человека, ни его сознание больше не могут сделать ничего. Нужны иное окружение и иная форма, чтобы дух и творческие способности могли совершенствоваться.

Светало. Пастор встал с колен, подошёл к окну, открыл его и сел в кресло.

Его мысли вернулись к Алисе. Но теперь тревоги за дочь он уже не испытывал.

Он знал, что каждый может прожить только свою жизнь. И сколько бы ни старался ты протоптать тропинку для своих детей, жизнь повернёт её так, что только сам человек, только он один, сможет проложить её для себя. Ни пяди чужой жизни не проживёшь.

Когда Алиса утром вышла в сад поливать цветы и увидела отца сидящим у окна, она кинулась к нему. Но в ту же секунду радость её померкла и сменилась тревогой.

— О, папа, вы больны? Что с вами? Вы так изменились за ночь, осунулись, так бледны, что я сейчас же вызову доктора.

— Успокойся, дитя, у меня бессонница. Не могут старые люди всегда быть здоровыми. Я уже говорил не раз: и молодые могут умереть, а для старых — это неизбежно. О чём тревожиться? Люби меня, но люби спокойно, люби всякую мою форму, ошущай близость со мной, где бы я ни жил, далеко или близко. Верная любовь не знает разлуки.

Слёзы готовы были брызнуть из глаз Алисы, но доброе её сердце мужественно победило свою скорбь, чтобы не тревожить отца.

— Папа, вам не хочется выйти в сад?

— Нет, дитя, мне так хорошо здесь.

— Я сейчас принесу вам шоколад. Отдыхайте и ждите меня, я скоро. Уж я заставлю вас есть сегодня, — стараясь казаться весёлой, говорила Алиса. Но как только она вернула за угол дома, где её не мог видеть отец, она села на скамью и, закрыв лицо руками, горько зарыдала.

— О чём ты плачешь, Алиса? — резко спросила Дженни с балкона своей комнаты. — Разбила куклу? Или сегодня, у новых друзей, тебе хочется иметь томный вид страдающей жертвы?

Алиса собралась рассказать Дженни о болезни отца, о своей тревоге за него, но взглянув во враждебные глаза сестры, сказала только:

— Ты всё шутишь, Дженни. А мне кажется, что над нами нависло горе, которого ты не хочешь видеть.

Дженни рассмеялась так же резко и насмешливо продолжала:

— Давно ли ты в мудрецы записалась? Шестнадцать лет слыла дурочкой и вдруг попала в умницы у лорда Бенедикта. Кому это делает честь? Его прозорливости или твоей хитрости?

— Меня, Дженни, ты можешь называть как угодно. Но если ты хоть раз ещё позволишь себе сказать что-либо неуважительное о лорде Бенедикте, — ты уйдёшь из этого дома, чтобы никогда в него не вернуться. Помни, что я тебе сейчас сказала, — это дом мой. И чтобы ни единого непочтительного слова о лорде Бенедикте в этом доме произнесено не было!

Что-то отцовское, когда он говорил своё редкое, но неумолимое «нет», засверкало в глазах Алисы. Необыкновенная решительность и железная твёрдость в её голосе — всё это было так неожиданно в кроткой и нежной сестре. Дженни сразу почувствовала, что это не пустая угроза, что она действительно останется без крова, если нарушит этот запрет Алисы.

Дженни знала, что кроткий отец обладал колоссальной силой характера, и ничто не могло изменить его решения, если он его продумал и высказал. В Алисе она сейчас узнала эту отцовскую черту, как давно уже узнавала в самой себе черты характера матери.

Пока Дженни приходила в себя от изумления, Алиса готовила завтрак пастору. Не один пастор провёл сегодня бессонную ночь. Дженни вчера возвратилась домой в полной размолвке с матерью. И обе, недовольные друг другом, разошлись по своим комнатам, не помирившись перед сном.

Не в первый раз за последнее время мать и дочь были недовольны друг другом, что поражало их обеих, живших

до сих пор в большой любви и дружбе и не ссорившихся прежде. Ленивые, самолюбивые и вспыльчивые, они всегда искали в Алисе причину своего дурного настроения. Им всегда казалось, что они недовольны ею, а не друг другом. Бессознательно ища её общества в минуты раздражения, обе они, покоряемые кротостью и любовью девочки, её всегдашним желанием успокоить и развлечь их, поддавались обаянию этой чистоты и самоотверженности, хотя и считали Алису дурочкой.

Теперь Алисы, как и пастора, целыми днями не было дома. Работа, которую всегда делала Алиса, свалилась теперь на них. Ведь Алиса постоянно стирала, гладила, шила, что-то перекраивала, чтобы Дженни и мать выглядели нарядными. Рояль ждал Алису неделями, потому что, даже уходя из дома, обе давали ей наказания, во что их одеть завтра, совершенно не думая о том, что эксплуатируют девочку. Раздражаясь, обе кое-как сами прилаживали теперь свои туалеты, проклиная в душе тот день и час, когда лорд Бенедикт переступил порог их дома.

Запершись в своей комнате вечером, Дженни рвала и метала. Неоднократные размолвки с матерью, отсутствие у неё всякой выдержки и не сходявшие с уст проклятия докучали Дженни. Только теперь она увидела, как некультурна её мать, и оценила благородство отца. За всю сознательную жизнь Дженни пастор не сказал её матери ни одного слова повышенным тоном и не позволил себе ни единого неджентельменского поступка по отношению к ней. Он был справедлив к обеим дочерям, балуя обеих одинаково. Мать же признавала только Дженни. И она со стыдом сейчас вспоминала, как часто съедала сладости, предназначенные сестре, как мать отнимала для неё у Алисы вручённые ей подарки. И как та, радостно улыбаясь, отдавала Дженни всё лучшее, что имела.

Вспомнила Дженни и свой первый бал у деда. Мать приказала Алисе выпросить у деда завещанные ей по наследству бриллианты, чтобы Дженни могла их надеть. Дед ласково, — при всей своей суровости он всегда был необычайно ласков с Алисой, — в просьбе отказал. Подняв её личико своей красивой рукой, он сказал:

— Не Дженни и не твоя мать, а ты наденешь бриллианты моей матери. Они предназначены тебе и будут присланы к твоему первому балу.

— Тогда уж, дедушка, их, наверное, никому не придётся надеть. Ведь моего первого бала никогда не будет.

— Почему же так, внучка? — рассмеялся дед, обнимая девочку, чего тоже почти никто не устаивался.

— На балы не возят дурнушек. Да и кроме того, я предпочла бы послушать классическую, а не бальную музыку. Ах, дедушка, как ты меня огорчил. Дженни ведь такая красавица. Ну как же она явится на бал с голой шеей?

— Может шею свою прикрыть чем-нибудь или вообще на бал не ездить.

— Так ей и сказать?

— Так и скажи.

Личико ребёнка опечалилось. Алиса долго ещё пыталась объяснить деду, что так огорчать людей нельзя. Это его смешило, он громко хохотал и всё же отвёз её домой с коробкой конфет, но без драгоценностей. Дженни вспомнила и этот день, и ясно видела перед собой поникшую фигурку сестры. Под градом материнских упрёков Алиса только горестно твердила, что просила деда так усердно, как самого Бога, но, видно, по её грехам, ни тот ни другой её просьбам не внял.

Картины жизни мелькали в памяти Дженни одна за другой, и вот в доме появился молодой учёный, друг отца, Сандра.

Дженни в первый же вечер уловила восхищённый взгляд гостя, когда Алиса играла и пела, и с тех пор старалась не до-

пускать Алису к роялю при Сандре. Но тот умел действовать через отца, и это выводило из себя немзыкальную и ревнивую Дженни. Способная, с хорошей памятью, она легко схватывала суть каждой книги и была довольно образованна, хотя и не желала следовать той программе образования, которую ей предлагал отец. Знакомство с Сандрой, желание обратить на себя его внимание заставило её серьёзно учиться, и она — не без пользы для индуса — иногда припирала его к стенке в споре. Но поразмыслив на свободе, индус являлся с новыми книгами и доказывал Дженни, что она оперирует фактами по-дамски. И Дженни должна была прочитывать целые тома серьёзных книг, чтобы разобраться, права ли она. Это её злило и утомляло, раздражая ещё и потому, что, как она ни старалась увлечь собой Сандру, он поддавался её очарованию только до тех пор, пока рядом не появлялась Алиса. Стоило той войти — и вся учёность слетала с Сандры, он становился ребёнком и дурачился с ней, смеясь так весело и радостно, как этого никогда не могла добиться Дженни никакими чарами своего кокетства. Ревность жгла её сердце. Но она ни в чём не могла упрекнуть сестру. Алиса старалась незаметно скрываться, когда появлялся Сандра, и ни разу его имя не слетало с её губ иначе, чем в числе поклонников сестры.

Сейчас Дженни стало словно душно в атмосфере зла и раздражения. Она поняла, что любит отца, любит и сестру и хочет быть с ними. Она оценила их духовность и не знала теперь, как к ним подойти, как покончить с той двойственностью, в которой жила. Казалось бы, куда проще: попросить Алису взять её с собой к лорду Бенедикту. Там она могла бы получить совет, как приблизиться к отцу и сестре, не вызывая ревности матери. Но... как просить сестру? Как сказать ей? Лорд Бенедикт? Обратиться к нему? Невозможно: и стыдно, и страшно.

Дженни решила просить совета у Николая.

«Граф, — писала она, — мне впервые приходится обращаться за советом и помощью к чужому и малознакомому человеку. Но Вы не просто человек. Вы учёный и философ, и вот к этому последнему я решаюсь обратиться. До сих пор я очень уверенно и самонадеянно вела линию своей жизни и была убеждаема постоянным в ней успехом, что веду её правильно и именно так, как следует.

Некоторый разлад в моей семье казался мне следствием детского, непрактичного простодушия отца и сестры. Теперь же в душе моей ад. Туда закрались сомнения. Там я вижу многое, ах как многое, не таким, как это мне казалось до сих пор. И найти выход, чтобы обрести хоть каплю равновесия, я не могу. Я всё больше раздражаюсь, и чем яснее понимаю, что моё злобное настроение доказывает только мою же неправоту, тем больше злюсь. И сама вижу, как змеи в моём сердце шипят и поднимают головы.

К чему и зачем я всё это говорю Вам, граф? Потому, что образы лорда Бенедикта и Ваш стоят передо мной неотступно. Только в Вашем доме я впервые поняла, что жизнь может двигаться вперёд добротой. И странно, там, в доме лорда Бенедикта, я не ощущала особенно сильно его и Вашего влияния. Даже — почти изгнанная лордом из его дома — я зло смеялась первые дни, усердно отравляя жизнь Алисе и папе. Но чем дальше, тем яснее я начинаю видеть Ваши лица, и в моём сердце становится всё печальнее.

Я прошу Вас, разрешите мне поговорить с Вами. Вспоминая строгое и какое-то особенное лицо лорда Бенедикта в последний миг расставания, я не смею обратиться к нему с просьбой о встрече. Его величавость — не поймите меня дурно, я уверена, что она — отражение его души, а вовсе не внешний фасон, — меня сковывает. Я не смею обратиться к нему и не могу себе представить, как обнажить перед ним язвы сердца.

Я попрошу Алису передать Вам это письмо, но никогда не решусь переступить порог того дома, где сейчас живёте Вы, потому что это дом лорда Бенедикта. И я не смею просить Вас приехать ко мне. Не откажите мне в просьбе выйти завтра в три часа в Т-рсо-сквер и поговорить со мною. Примите самые искренние уверения в полном уважении к Вам.

Дженни Уодсворд».

Это письмо стоило Дженни многих скорбных размышлений. Гордая девушка не хотела, как ей казалось, поддаваться слабости, и только её незаурядный ум помог ей признать свои ошибки и упомянуть о них в письме.

Окончив письмо, Дженни вздохнула с облегчением. Она по крайней мере перешла некий Рубикон. Ей казалось, что она захлопнула в своей душе дверь какого-то чулана, тёмного и неприятного, и может не заглядывать туда хотя бы несколько часов. Оставалась ещё одна проблема: просить сестру передать письмо. На деле это оказалось для Дженни гораздо труднее, чем она вначале полагала. В сердце своём, смягчившемся во время написания письма, она точно раскрыла объятия Алисе. Но... внезапно Дженни услышала, как сестра разговаривает с отцом, и голос Алисы, полный доброты и ласки, вдруг мгновенно напомнил ей недавнюю сцену у балкона, ожившую до боли чётко и ясно. Потрясённая вспомнившимися ей словами Алисы, Дженни первым делом бросилась к письму, чтобы разорвать его в клочья.

Но вместо этого она закрыла лицо руками и горько, по-детски зарыдала.

Дженни, гордая Дженни, так много мнившая о своей красоте! Дженни, оберегавшая своё лицо от малейшего дуновения ветерка, не уронившая и слезинки, чтобы не испортить кожу, — Дженни рыдала, забыв обо всём, кроме глубокой горечи на сердце. Чьи-то нежные руки обняли её. Чьи-то го-

рячие губы целовали ей руки. Чьё-то дыхание согревало её, проникая в самое сердце, точно вытаскивая оттуда занозу.

— Дженни, сестра, любимая моя, дорогая. Прости меня, я ведь такая глупая, ты это знаешь, прости, родная. Я не сумела донести до тебя свою мысль так, чтобы ты, такая умная, поняла бы меня.

Слёзы сестры, такие необычные и вызванные ею, совсем уничтожили бедную Алису. Она готова была отдать самое жизнь, чтобы утешить сестру. И всё же сознавала, что оскорбить лорда Бенедикта в своём доме она не позволит. Всё, что было связано с ним, было ей дороже жизни. Алиса умерла бы за сестру, но не могла изменить ему, ибо он-то и был сейчас центром её жизни. Дженни ничего не отвечала. Но под проявлением её доброты затихла и вдруг почувствовала себя маленькой девочкой, прильнув к сестре, точно к доброй няне. Она молча, всё ещё чуть-чуть хмурясь, подала письмо Алисе. Та взглянула на адрес, ласково поцеловала её ещё раз и, спрятав письмо за корсаж, вышла из комнаты.

Впервые Дженни почувствовала благодарность к сестре и сожаление о своей внутренней разьединённости с нею. Пасторша же, избалованная тем, что к её выходу в столовую к двенадцати часам Алиса подавала обильный завтрак, непременно с несколькими горячими итальянскими блюдами, теперь каждый раз раздражалась и оглашала дом претензиями к кухарке, не умевшей ей угодить. Её так и передёргивало всякий раз, когда Алиса садилась в элегантный экипаж и уезжала из дома, часто вместе с отцом. Она долго пилила пастора, доказывая, что ей необходимо иметь свой экипаж, но получив и здесь его железное «нет», поняла, что должна покориться. Она, конечно, не оставила попыток получить желаемое и стала выпрашивать экипаж у тестя. Тот ответил ей, что охотно подарил бы ей лошадь, но сын запретил, а ссориться с ним он не хочет. Брат мужа,

к которому пасторша обратилась с той же просьбой, дал ей такой же ответ.

Настырная женщина стала бороться с пастором, с каждым его распоряжением, приказанием, пожеланием. Поняв давно, что сгубила карьеру мужа и сама избрала скромную жизнь пасторши вместо блестящей и обеспеченной жизни жены знаменитого певца, она вымещала на мужа всю злобу за свою же ошибку. Не зная английских законов, она сначала хотела развестись, надеясь, что сможет вместе с разводом получить половину состояния мужа и уехать за границу. Но и тут всё оказалось против неё, а стать вне общества она не решилась. Так и шла её жизнь в полном отдалении от мужа, который стал жить в своём кабинете и после рождения Алисы не переступал порога супружеской спальни.

Пасторша, ища развлечений на стороне, всё же вела внешне безукоризненную жизнь, и репутация её была незапятнанной. Пастор соблюдал внешнюю видимость счастливой семейной жизни и не пропускал случая появляться на людях вместе с женой тогда, когда этого требовали обычай или этикет. Его доброта и джентльменская вежливость с женой вводили всех в заблуждение. Да и кому могло прийти в голову, что, имея мужем одного из известнейших учёных, человека большого музыкального дарования и честнейшей души, супруга пастора могла быть недовольной своей семейной жизнью.

Непостоянная в своих увлечениях, пасторша часто искала новой любви, но тщательно скрывала свои порывы от домашних. И Джени, убеждённая, что мать — жертва самодура-отца, обожала её вдвойне, стараясь вознаградить её за холодность мужа. Но не так давно зоркие глаза Джени стали подмечать кое-что такое, чего пасторше вовсе не хотелось, хотя она и старалась воспитать Джени на свой лад, уверяя, что в Италии не скрывают своих чувств.

Однажды Дженни нечаянно столкнулась на улице с матерью, когда та под густым вуалем выходила из подъезда чужого дома вместе с малознакомым мужчиной. Ни мать, ни дочь не произнесли ни слова за всю обратную дорогу. Дженни и дома молча прошла к себе. За обедом она уже овладела собой и старалась отвечать матери обычным тоном. Но в сердце её уже не существовало идеала в лице матери. Поверженный кумир перестал держать её в своей власти.

Дженни не плакала, не стонала. Она охладела сразу. И пасторша поняла, что любовь и доверие своей любимой дочери она теряет. Но и сейчас она не признала своих ошибок и не желала меняться. Она хотела, чтобы Дженни принимала её манеру жить как единственно правильную и возможную.

Избалованная прежней привязанностью Дженни, пасторша не могла смириться с тем, что любимая дочь отдалась от неё, и она внезапно стала совсем одинокой в своей семье. Тогда она решила соблазнить дочь идеей блестящего замужества.

Не одну бессонную ночь она обдумывала ситуацию. Она легкомысленно перебирала в уме неженатых молодых людей и пожилых аристократов, знакомых и незнакомых. И успокаивалась к утру на том, что найдёт Дженни состоятельного жениха с именем и блестящим положением и тем вернёт себе доверие дочери.

Так и жили члены семьи пастора, и никто не сознавал, кроме него самого, что в их дом уже нашла дорогу смерть.

Глава 3

ПИСЬМА ДЖЕННИ, ЕЁ РАЗОЧАРОВАНИЕ И ВНУТРЕННЯЯ БОРЬБА

Алиса опоздала к завтраку на целых двадцать минут. Лорд Бенедикт, Наль и Николай собрались в кабинете хозяина и ждали свою гостью, которая за эти два месяца, пролетевшие как один день, успела стать дорогим и любимым членом семьи.

Наль, приученная дядей Али, Флорентийцем и Николаем к аккуратности и пунктуальности, тревожилась больше других, уверяя отца и мужа, что Алиса, наверное, заболела.

— Сомневаюсь, что её задержала болезнь. Я думаю, она скоро будет здесь и тревожиться нет причин, дочь моя. Но если ты удвоишь свои заботы об Алисе и постарайшься выказать ей ещё больше любви и внимания, ты поступишь правильно. Бедной девочке предстоит вскоре большое испытание. И кроме нас троих — как ей будет казаться — у неё во всём мире не останется ни одного близкого сердца.

— Для Алисы, отец, мне легко сделать всё, что только в моих силах. Я люблю её, как близкую сестру. Да и возможно ли не полюбить её, однажды встретив? Но я потрясена тем, что ты сказал. Неужели её отец так болен?

— Состояние его здоровья таково, что он мог бы ещё жить. Но жизненных сил для борьбы с тем злом, которое его окружает, у него уже недостаточно. А в его жене сила зла нарастает. Он уйдёт из жизни, спасаемый светлой силой любви, которой служил всю жизнь. Это произойдёт потому, что борьба с тем злом, которое подбирается к его дому, требует знаний и сил гораздо больших, чем смог достичь пастор.

Только Флорентиец закончил говорить, как раздался лёгкий стук в дверь и слуга доложил, что мисс Алиса Уодсвора приехала. Наль побежала навстречу своей подруге, а мужчины прошли прямо в столовую.

Извиняясь за опоздание, Алиса не обмолвилась ни о болезни отца, ни о разладе в доме. Но её заплаканные глаза, бледное и расстроенное личико говорили обо всём без слов. Она так незаметно положила письмо Дженни рядом с прибором Николая, что даже Наль не знала, откуда пришло письмо.

Увидев письмо, доставленное не почтой, Николай взглянул на Алису, положил его в карман, и, казалось, инцидент был исчерпан.

— Почему Дженни избрала тебя почтальоном? — внешне спросил Алису лорд Бенедикт. — Если она ещё раз попросит тебя передать письмо кому-либо из нас, откажись. Скажи, что ей лично никто не закрывал пути ко мне. Но вот если твоя мать попросит отвезти её куда-нибудь по дороге к нам или передать кому-либо письмо или какую-либо вещь, или что-нибудь передать на словах, — категорически откажись сделать это. Вся твоя жизнь в эти месяцы — это отец, заботы о нём, и мы. Принимаешь ли ты это условие, Алиса?

— Принимаю ли, лорд Бенедикт? Да разве я могу выбирать? Моё сердце больше не живёт в одиночестве. В нём поселилось новое лицо, не спрашивая на то разрешения. Все, кто жил в нём раньше, остались. Но новый владыка дал ему новую жизнь. Уйдут все любимые, — голос Алисы задрожал, она с трудом, но победила слёзы, — и я знаю, что останусь жить. В тяжёлой скорби, быть может, в ужасе, но жить буду. Но если бы ушёл из сердца ваш образ, лорд Бенедикт, если бы погас там свет, зажжённый вами, жизнь ушла бы из него. Вы ведь сами всё видите. Зачем об этом говорить.

Я взяла письмо Дженни, не зная, что в нём. Но зато точно знаю, — только здесь может Дженни найти своё спасение.

— Не огорчайся, друг мой. Ты узнаешь, как трудно, а иногда и невозможно помочь людям, если они ленивы, разнужданны, не хотят трудиться и видят счастье жизни только в богатстве и наслаждениях. Всё, что ты можешь сделать, чтобы не создать ещё большего зла при твоих слабых силах и малых знаниях, — это избегать всяких отношений с сестрой и матерью. Находишься те немногие часы, которые ты проводишь дома, только рядом с отцом. И если завтра мать твоя захочет сесть в твой экипаж, — помни мой запрет. Впрочем, я скажу об этом твоему отцу.

Лорд Бенедикт встал, завтрак окончился, и каждый занялся своим обычным делом.

Алиса была выбита из колеи словами Флорентийца. Она не понимала, о каком зле он говорит. Почему нельзя довести мать, которая, кстати, уже не раз просила об этом, куда-либо по дороге. Почему нельзя взять письмо у бедной Дженни, которая так страдает, что даже плакала первый раз в жизни. Алиса не понимала смысла приказа, но ей и в голову не приходило ослушаться. Ничто на свете не заставило бы её поступить наперекор воле Флорентийца, отступить хотя бы на йоту. Не понимая пока, почему она должна вести себя